

НИКОЛАС С. СМИТ

СЫНОВЬЯ
ВОЙНЫ

SONS OF WAR

Николас Сансбери Смит

СЫНОВЬЯ ВОЙНЫ

Серия «Mainstream. Фантастика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67724409

Сыновья войны / Н. С. Смит; пер. с англ. А. Азеева.: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-114128-8

Аннотация

В Соединенных Штатах разгорается гражданская война, и морской пехотинец Сальваторе возвращается в Лос-Анджелес, где его сын присоединился к полиции в битве за город, стремительно впадающий в анархию. В то время как некоторые видят в грядущем крахе конец прежнего мира, другие видят возможность. Поэтому дон Антонио Моретти направляется туда же, чтобы возродить свою криминальную империю.

Семья – это главное, и Моретти и Сальваторе сделают все, чтобы выстоять. Но как далеко они готовы зайти, чтобы выжить в новом мире, где единственной валютой является насилие?

Содержание

Пролог	6
– 1 —	21
– 2 —	46
– 3 —	70
– 4 —	89
– 5 —	113
– 6 —	128
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Николас Сансбери Смит

СЫНОВЬЯ ВОЙНЫ

Моей жене Марии за то, что побудила меня написать историю, которую мне так хотелось рассказать.

Моему агенту Дэвиду Фугейту за отзывчивость в начале пути.

И Джошу Стантону из Blackstone Publishing за то, что поверил в мои истории и донес их до читателей всего мира.

Слабаки обращали империи в пепел. Мы же построим свою на углях.
Дон Антонио Моретти

Иногда, чтобы бороться со злом, нужно разозлиться.
Сержант морской пехоты Роналдо Сальваторе

Nicholas Sansbury Smith
SONS OF WAR

Печатается с разрешения издательства Blackstone Publishing и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Издательство
АСТ

Copyright © 2020 by Nicholas Sansbury Smith

© А. Агеева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Ноябрь 2011 г.

Неаполь, Италия

Черный мерседес остановился перед одной из старейших базилик Неаполя, построенной на руинах гораздо более древнего римского храма.

Антонио Моретти представил, как могли выглядеть солдаты тех времен: кожаные доспехи, мускулистые тела, короткие мечи в мозолистых руках. Его солдаты скрывали оружие под черными костюмами. Внешнее несходство показалось ему разительным, но мышление, подумал он, не так уж и отличалось. У них были те же заботы: защищать командира и членов клана, зарабатывать на жизнь, выживать. В этом отношении в древнем городе за два тысячелетия мало что изменилось.

Один из солдат Моретти открыл заднюю дверь, и Антонио выбрался из машины, не обращая внимания ни на демонстрантов, скандирующих по другую сторону улицы, ни на оскорбительные для его семьи транспаранты. Вместо этого он повернулся к возвышающейся над ними базилике Сан-Паоло-Маджоре.

Фасад загорался заходящее солнце, но Антонио не стал снимать солнцезащитные очки. Ему не хотелось, чтобы род-

ные или соратники видели его таким. Его уважали как жесткого человека, а уважение здесь считалось самой твердой валютой.

Выросший в трущобах неподалеку отсюда, он рано повзрослел. Четыре срока службы в Четвертом альпийском парашютно-десантном полку Италии в Афганистане и Ираке закалили его. А работа на семью Моретти связала кровью.

Но сейчас он шел словно вслепую. Он оказался совершенно не готов к похоронам отца, застреленного мафиози из клана-соперника рядом с местным кафе.

Антонио быстро огляделся, высматривая возможную опасность, хотя его окружали люди, которые были готовы грудью защитить от пуль и его самого, и членов клана. Этого, однако, оказалось недостаточно, чтобы спасти отца. И до сих пор не было известно, какой именно из враждующих кланов был за это в ответе.

– Антонио, – окликнул его грубый голос.

Рядом припарковалась еще одна машина, и из нее вышли мужчины в строгих черных костюмах. Их возглавлял его младший и единственный брат, Кристофер, тоже ветеран Четвертого альпийского. Они оба уехали из дома юношами, чтобы воевать, – и вернулись домой, чтобы стать участниками совсем другой войны.

Они обнялись, соприкоснувшись щеками, и Кристофер вернулся к машине, чтобы высадить жену Грету и их десятилетнего сына.

– Помоги маме, Винни, – сказал Кристофер мальчику.

К ним подошел Рафаэлло Турси, молчаливый солдат с четками в руке. Это был один из самых преданных солдат Моретти, никогда не имевший собственной семьи и полностью посвятивший себя делу и Богу.

– Район чист, – доложил он.

– Спасибо, Рафф, – поблагодарил Антонио, обернулся к мерседесу и подал руку жене.

Лючия, воплощение грации и элегантности, вышла из машины, наклонилась и помогла выбраться их трехлетнему сыну Марко.

Тот улыбнулся, сверкнув идеальными молочным зубками.

Антонио поцеловал сына в лоб у кромки густых черных волос. Того же цвета было платье Лючии и вся одежда, которую Антонио видел вокруг.

Рафф отдал приказ солдатам Моретти, и они выстроились по обеим сторонам высокой каменной лестницы. Антонио помог жене подняться по ступеням к массивным парадным дверям базилики.

Сопровождавшие их охранники были не единственными, кто был вооружен. Пара офицеров полиции дежурила у двух древних коринфских колонн, переживших и войны Древнего Рима, и воздушные бомбардировки двадцатого века.

Внутри базилики мерцал свет свечей. Антонио остановился, чтобы окунуть пальцы в святую воду и перекреститься. Он очень давно не бывал в церкви. Чувство вины, кото-

рое он всегда испытывал в храмах, было с ним и сегодня. Часть его считала, он не заслуживает права находиться здесь после всего, что совершил, после того, как убил столько людей и ради родины, и ради семьи.

Красота старинных фресок со сценами из житий апостолов Петра и Павла помогла ему успокоиться, пока двое полицейских проверяли, нет ли у него оружия.

Он поднял руки и взглянул на одного из них. Сегодня у него не было настроения общаться с этими придурками.

– Все в порядке, – сказал один из стражей порядка и жестом пригласил Антонио к столу, где гостей поджидало еще трое копов.

– Подпишите здесь, – сказала женщина-полицейский с внимательными зелеными глазами.

Антонио ожидал подобного уровня требований безопасности, но все равно испытывал раздражение, даже зная, что все это делается ради их собственного блага. На его памяти это был первый раз за долгое время, когда все семейство Моретти собиралось в одном месте. По этой же причине они решили нарушить римско-католическую традицию, попросив сотрудников похоронного бюро внести тело в храм.

Не было ни семейной процессии по городу, ни гробоносцев для Стефано Моретти. Учитывая жестокость других преступных кланов, это попросту было бы чересчур рискованным. Никто не чувствовал себя в безопасности, и обострение конфликта предвещало, что теперь станет только хуже.

Маленький Марко взглянул на отца глазами, полными удивления и любопытства. Антонио давно решил, что оградит невинность сына и даст ему детство и будущее без кровопролитий и преступлений.

Будущее без войны.

Кристофер с семьей тоже миновали охрану, и обе семьи направились по центральному нефу, украшенному золочеными арками, резными мраморными колоннами, под сводом, расписанным великолепными фресками. Миновав трансепт, они увидели многоугольную апсиду, богато украшенную росписью. Даже маленький Марко, казалось, был потрясен, глядя на ослепительный полукупол вверху.

Ни роскошь убранства и общая атмосфера приглушенного благоговения, ни великолепный вид его семьи, уже занявшей зарезервированные места у алтаря, нисколько не смягчили возмущения Антонио, вызванного закрытым гробом. Ублюдки, сделавшие это, не ограничились пулей в сердце, а для пущего надругательства еще и изрешетили отцовское лицо.

Образ мертвеца всплыл в памяти Антонио, всколыхнув еще одну горячую волну ярости, которую ему удалось выплеснуть сдержанным вздохом. Он вздернет их за кишки, как только разыщет.

Эта чудовищная мысль казалась богохульной в этом священном месте, но Антонио это не волновало. Он давно оставил надежду попасть в рай. Его душу ждали лишь адское

пламя и боль.

– Антонио, – позвал хриплый голос.

Это был его двоюродный брат Лино Де Каро. На первый взгляд – если не замечать золотых колец в ушах – он в своем сшитом на заказ костюме сошел бы за банкира или финансового консультанта, но на самом деле дорогая одежда скрывала крепкие мускулы, татуировки и шрамы, свидетельствовавшие о бурном прошлом Лино.

Он был наемным убийцей семьи Моретти, и его отточенные навыки скоро будут пущены в дело. По правую руку от него сидел еще один бывалый убийца – их дюжий двоюродный брат Закари Моретти. Оба входили в группу Антонио и Кристофера и в иерархии стояли гораздо выше, чем непосвященные соучастники, которые остались снаружи.

Рафф провел Антонио и его семью к их местам.

– Веди себя хорошо, малыш, – прошептал он Марко, когда Лючия проходила с ним мимо.

Антонио подвинулся, чтобы пропустить Кристофера с семьей. Рафф тем временем опустился на колени, чтобы помолиться.

Солдаты Фрэнки Трентино и Кармин Барезе сидели с женами из клана Моретти слева от Антонио. Оба выглядели грубовато, с морщинистыми лицами и длинными волосами, зализанными сегодня назад. Когда они проходили по ряду, от их костюмов поплыл запах одеколона и сигарет.

– Сіао¹, – поздоровался Антонио.

Кармин, тоже ветеран итальянских войск, с трудом улыбнулся. Его лицо было изуродовано шрамами – это были следы взрыва гранаты, едва не убившей его.

Оба авторитета Моретти по очереди обняли Антонио, пробормотав соболезнования. И опустились на колени для молитвы. Народу в базилике становилось все больше, каждый, медленно минуя охрану, желал засвидетельствовать свое почтение.

Внимание Антонио привлекла небольшая суматоха у входа.

– Какой позор!

Антонио сразу узнал низкий голос – он был знаком ему не хуже, чем младенцу голос матери. Мужчина, бывший ему вторым отцом, вошел в церковь в костюме-тройке и пальто, накинутом на широкие плечи. Дон Джузеппе, старший брат Стефано и глава семьи Моретти, вступил в спор с полицейскими.

По обе стороны от Джузеппе топтались телохранители. После непродолжительных жарких препирательств могучий старый дон поднял руки, позволив им обыскать себя. При этом он продолжал бормотать себе под нос слова, без сомнения, неуместные для этого святилища и скорбного случая.

Антонио откинулся на спинку скамьи, попытавшись расслабиться. Нежное прикосновение Лючии помогло ему успо-

¹ Привет (итал.). Здесь и далее – примечания переводчика.

коиться, и она протянула руку, намереваясь снять с него очки.

Они встретились взглядами, поделившись друг с другом силой, которая и прежде помогала им переживать непростые времена.

Места по другую сторону прохода заняли Джузеппе и его жена. У них больше не было детей – они потеряли сына и дочь десятью годами ранее в пожаре, который должен был убить их всех. Теперь же ему предстояло похоронить и единственного брата.

Антонио кивнул, когда Джузеппе посмотрел в его сторону. Он увидел в глазах дяди глубокую боль – это был момент слабости, какой он никогда прежде не встречал в этом человеке, на котором держалась вся семья.

Взгляд донна остановился на гробе, в котором покоилось тело его младшего брата. Стефано уважали, но он был мускулами семьи Моретти, а не мозгом. Истинным титаном был дон Джузеппе, который также заседал в городском совете. О его криминальном прошлом в городе было хорошо известно, равно как и об амбициях баллотироваться в мэры, что делало его даже большей мишенью, чем Стефано.

Теперь, когда Стефано погиб, обязанность защищать главу и честь семьи ложилась на Антонио и остальных капо² Моретти.

² Капитан, помощник босса, командующий солдатами и отвечающий за определенные виды деятельности клана.

Когда последние гости заняли свои места, через задние двери вошли служители храма. Хор запел гимн, а священник, невысокий мужчина с седой бородой и редкими волосами, двинулся по центральному нефу в сопровождении служек.

Он покачивал кадилом, обдавая собравшихся ароматным дымом.

Антонио обернулся через плечо, чтобы увидеть, кто пришел. Многие – все присутствующие прошли тщательную проверку – пришли выразить поддержку и отдать дань уважения.

Были здесь и люди из других кланов, включая дружественную семью Сарконе. Энцо Сарконе, капо и блестящий предприниматель, сидел в отдалении.

Их взгляды встретились, Антонио кивнул, но Энцо почти сразу отвел взгляд. Антонио снова повернулся вперед. Все, кто сюда пришел, беспокоились из-за финансовых последствий кончины отца.

Священник поднял руки, облачение было ему великовато.
– Сегодня мы собрались здесь, чтобы почтить Стефано Моретти, человека, которого многие из вас искренне любили, – сказал он. – Его жизнь оборвалась из-за бича, терзающего этот город, – бича, которому, я надеюсь и молюсь об этом, будет положен конец.

Лючия сжала руку Антонио.

Священник продолжал взывать к миру и сочувствию еще

несколько минут. Антонио хотелось ответить ему, что его слова ничего не значат, что у церкви есть свои проблемы и, более того, семья Моретти была одним из главных жертвователей в городе.

Марко залез к Антонио на колени и положил голову на отцовское плечо. Устраиваясь поудобнее, Антонио заметил, что Энцо встал со своего места и пошел к выходу. Четверо полицейских вышли с ним и прикрыли за собой дверь.

Но почему Энцо уходил именно сейчас? Что за срочность могла...

Краем глаза он уловил движение в другой половине базилики, через проход, где сидел дон Джузеппе с множеством высокопоставленных мужчин и их семьями.

В свете сотен свечей Антонио заметил, что в тени мраморных колонн и статуй прохаживались еще трое копов.

Что-то было не так...

– Готовься уходить, – шепнул Антонио жене.

– Что?

– Делай, что говорю.

Антонио сделал знак Кристоферу, который тоже почуял неладное. Полицейские по-прежнему скрывались в тенях.

– Помолимся, – сказал священник.

Когда гости склонили головы, Антонио обернулся и увидел, что офицеры полиции вынули пистолеты. Один из них достал из спортивной сумки под столом пистолет-пулемет. Другой просунул цепь через ручки входной двери и зафик-

сировал ее велосипедным замком.

– Dio mio³, – пробормотал Антонио. Понимание происходящего поразило его, словно пуля.

Пока все сидели, склонив головы, запел хор. Небесные голоса оборвал оглушительный треск пулеметной очереди, направленной в дона Джузеппе.

Его тело, прошитое пулями, судорожно дернулось. От скамей полетели щепки, а солдаты и члены клана Моретти повскакали с мест, но тут же упали. В считанные секунды десятков людей, рядом с которыми Антонио вырос, рухнули за мертво, и их кровь растеклась по древнему полу священного храма.

Отключившись от криков и хаоса, Антонио сосредоточился на том, что было важнее всего, – на своей семье. Он должен был вывести их отсюда.

Они прошли влево по ряду, вслед за Кристофером, но когда тот бросился к выходу, Антонио схватил брата за руку и указал на алтарь, за которым прятался священник.

Оттуда же за ними следил полицейский.

Фальшивый полицейский, понял Антонио, сжав руку Лючии.

Он узнал лицо убийцы: среднего ранга солдат из небольшого, но агрессивного клана Канаваро – их врагов. Антонио окатило волной неверия.

Неужели за нападением стоят эти неудачники?

³ Боже мой (итал.).

Большинство семей не посмело бы совершить подобное в церкви. Только не здесь, только не на священной земле. Сама мысль об этом представлялась чудовищной. Таковы были правила Коза ностры, и убивать в церкви – а тем более женщин и детей – считалось смертным грехом.

Но Канаваро явно не боялись адского пламени в вечности, если огонь поможет им при жизни.

Антонио увидел, как демон во плоти поднял оружие.

– Кристофер! – крикнул он.

Звук выстрела слился с его криком. Пуля, предназначенная Кристоферу, попала в грудь Грете. Кристофер обернулся к стрелку, а его жена рухнула на пол рядом с Винни, все еще держа сына за руку.

Кристофер с отчаянным криком бросился к убийце. Тот выстрелил ему сначала в предплечье, а потом в грудь, но пули лишь замедлили Кристофера, не заставив остановиться.

Кристофер швырнул солдата Канаваро на алтарь. А потом, схватив за горло, впечатал его голову в дерево раз, другой и третий, чтобы наверняка достичь результата.

Антонио потащил Лючию, прижимавшую плачущего Марко к груди, к задней двери. Пробегая мимо безжизненного тела Греты, она всхлипнула.

– Винни, тебе нужно пойти с тетей, – сказал Антонио.

Мальчик колебался.

– Иди! – крикнул Антонио.

Лючия схватила племянника за руку, а Антонио бросился

за револьвером, из которого убили его невестку. Он огляделся в поисках цели, а его жена несла Марко к заднему выходу, уводя за собой Винни. Кристофер подбежал к телу Греты и рухнул рядом.

Антонио оттянул курок пистолета и попятился, прикрывая отступление. По всей базилике другие наемники отстреливали солдат Моретти, пытавшихся бежать, спасая близких. От смерти и хаоса, царивших вокруг, у Антонио замерло сердце, но верх взяли привычки и инстинкт убийцы.

Он прицелился и нажал на курок, попав «полицейскому» в шею. Лино подобрал пистолет убитого. Закари повалил еще одного копа и превратил его лицо в кровавое месиво.

Антонио выстрелил в солдата Канаваро, который прятался за колонной.

– Кристофер! – крикнул Антонио. Обернувшись через плечо, он увидел брата с Гретой на руках. Кровь хлестала из двух ран, заливая его костюм.

– Быстрее, быстрее! – крикнул Лино.

Он перепрыгнул через скамью, Закари за ним следом. Фрэнки и Кармин со своими женами присоединились к ним, и все вместе побежали к задним дверям, в которых уже скрылись хористы.

В коридоре они увидели викария, распростертого на полу. Ему в спину попала шальная пуля.

Пока его родные пробирались к выходу по крови своих любимых, Антонио держал на мушке дверь за алтарем. И

действительно, один из убийц тут же появился в проеме. Но прежде чем он успел поднять пистолет-пулемет, Антонио всадил пулю ему в глаз.

Стрелок упал поперек проема, сквозь который виднелась развернувшаяся в базилике резня. Пространство наполняли крики и стоны, которые обрывались выстрелами – убийцы продолжали казнить его семью.

– Антонио! – крикнула Лючия.

Он замялся, разрываясь между спасением жены с ребенком и спасением друзей и сослуживцев. В револьвере осталось не более пары пуль – а значит, возвращаться в неф было бы самоубийством.

Антонио выругался и побежал за родными. Он промчался по коридору мимо ниши, где стояла статуя ангела, держащего меч и одетого в доспехи, с напряженными чертами лица и бременем воина, защищающего невинных от зла.

Сзади доносилось эхо выстрелов, возвещавших гибель солдат Моретти. Впереди, в конце коридора, Антонио увидел Лючию – она прижимала Марко к груди, и по ее прекрасному лицу текли слезы. Лишь горстка членов семьи сумела выбраться живыми.

Осознание пронзило Антонио, словно пуля. Здесь, в этой базилике, правление клана Моретти практически закончилось.

Теперь будущее – и надежда для его мальчика – могло лежать лишь вдали от Неаполя, в стране, где они могли растить

сына, не опасаясь за его жизнь.

Бегство из дома в безопасное место было печальной необходимостью. Но Моретти вернуться в Неаполь, став сильнее, чем прежде. И тогда наступит время мести.

Восемь лет спустя

САУТ-ГЕЙТ, ОКРУГ ЛОС-АНДЖЕЛЕС

Доминик Сальваторе зажал кровоточащий нос и вышел за пределы баскетбольной площадки в региональном парке Холлидейл. Игра продолжалась как ни в чем не бывало. Кровоточащие носы, синяки под глазами, содранные коленки считались обычным делом в здешних местах, где баскетбол был войной в спортивном обличье.

Он занимался смешанными единоборствами и привык к спортивным травмам. Если бы не хлещущая кровь, остался бы в игре. Но чтобы вернуться на площадку, нужно было остановить кровотечение.

Заняв место на скамье между двумя потными игроками, он принялся следить за темнокожим парнем, который ткнул ему локтем в лицо. Рей Кларк ехидно ухмыльнулся.

– Я случайно, малыш Домми, – сказал он.

– В кольцо ты бросаешь лучше, чем врешь, – крикнул в ответ Доминик. – А бросаешь ты не очень хорошо.

Рей рассмеялся и стал готовиться к броску. Мяч ударился о кольцо и отскочил в руки противника.

Доминик не тратил время на споры. Это было не в его правилах. Когда он снова выйдет на площадку, то вернет Рею должок, только вдвое крепче.

– Дом, выходи! – крикнул Андре «Лось» Кларк, партнер Дома по команде, его лучший друг и младший брат Рея.

– Дай отдохнуть, – отозвался Дом, достал из спортивной сумки полотенце и зажал нос большим и указательным пальцами.

– Ты в порядке? – спросил женский голос. Камилла Сантьяго подошла и села рядом с ним. Она была его возраста, почти восемнадцати лет, и тоже училась в средней школе Дауни, где они и познакомились на уроках испанского. Теперь она практически стала его репетитором по испанскому и хорошей подружкой на площадке.

– Нормально, – ответил Дом.

Она перебросила волосы, забранные в длинный хвост, через плечо. Мгновение ее темные глаза изучающе смотрели на него, потом снова вернулись к игре. Ей нравилось играть с парнями, хотя некоторые из ее друзей были мудаками и предпочитали, чтобы она оставалась на скамейке запасных. Это было объяснимо: она играла лучше некоторых из них, а у них было хрупкое эго.

Он вытер пот со своего поджарого тела и повернулся навстречу свежему ветерку, закачавшему листья пальм, которые росли по другую сторону забора.

Ученые сообщили, что это лето выдалось самым жарким за всю историю наблюдений. Засуха в юго-западных штатах, наводнения на Среднем Западе и ураганы на Восточном побережье уничтожили весь урожай.

Дом старался не волноваться по этому поводу. Он был здесь, чтобы получить удовольствие – и победить.

Лось пошел на данк⁴. Все его шесть футов и два дюйма⁵, все двести фунтов⁶ взмыли в воздух, врезавшись в парня, который его опекал.

Мяч провалился в сетку из цепей, и Лось приземлился на свои «Найки». В отличие от старшего брата, он протянул руку, чтобы помочь противнику, которого сбил с ног.

– Отлично! – крикнула Камилла.

– Покажи им, Лось! – крикнул Дом.

– Вот тебе, детка! – прогудел Лось, напряг мощные бицепсы, опустил голову и громко фыркнул. Его прическа афро, низкая посередине и торчащая по бокам, в самом деле напоминала лосиные рога. Характерная прическа и внушительные габариты послужили поводом к тому, что к нему прилипло это прозвище.

Камилла посетовала, что ей хочется вернуться в игру, а потом встала, чтобы подбодрить товарищей по команде. Дом усмехнулся. Она распалялась не на шутку, была почти такой же напористой, как он сам.

Он оглядел парк. Бегунов было меньше обычного, а гриль занимала лишь пара семей. Теплый ветер разносил запах

⁴ ** Вид броска в баскетболе, при котором игрок подпрыгивает перед кольцом и забрасывает в него мяч сверху вниз.

⁵ * 188 сантиметров.

⁶ 91 килограмм.

барбекю, но в воздухе ощущалось что-то еще – что-то почти осязаемое. Страх – похожий на тот, что подкрадывался к Дому, когда он выходил на ринг драться с соперником. Неприятная смесь адреналина и тревоги, от которой ему казалось, что его вот-вот стошнит.

Но полное отсутствие страха делало мужчин уязвимыми. Так всегда говорил его отец. Сержант морской пехоты Роналдо Сальваторе любил выражаться поговорками и цитатами.

Сегодня Дом видел страх в неуверенных взглядах родителей, которые вытащили детей на пикник в парке, пытаясь насладиться тем, что обычно обеспечило бы им идеальное воскресенье. А еще он видел, что парк пустовал: здесь не хватало всех тех компаний, которые обычно катались на горках или ели за столиками.

И как бы Дом ни старался сосредоточиться на удовольствии, ему никак не удавалось игнорировать то, что творилось в Америке. Чрезвычайные погодные явления привели к тому, что миллионы людей были вынуждены покинуть свои дома, а крупнейшие страховые компании и фермерские хозяйства обанкротились.

Правительственная финансовая помощь вылилась в дефолт по тридцатитриллионному долгу страны и просачивалась сверху вниз по всей планете. Валюты обваливались, инфляция росла, мировую экономику сотрясал идеальный шторм.

Федеральное правительство было на грани распада, люди вышли на улицы, бунтуя против взлетевших до небес цен на газ, продукты, воду и коммунальные услуги.

Но на улицы вышло не только простое население. Ко всеобщему хаосу присоединились и бандиты. Даже сегодня перед скейт-парком собралась кучка курящих косяк и смеющихся под буханье мексиканского гангста-рэпа.

Они были похожи на маленькую шайку, вероятно связанную с «Нортеньос»⁷, как и большинство латиноамериканских банд. Со своей скамьи Дому не было видно, к какой группировке она принадлежала, а вариантов было немало.

Дауни, который находился в дюжине миль к юго-востоку от Лос-Анджелеса, некогда был колыбелью уличных банд, но полиция неустанно работала с населением много лет, чтобы избавиться от них город, и вытеснила отсюда «МС-13», «Суреньос», «Крипс», «Бладс» и еще пару десятков банд помельче.

И так было до сих пор. Теперь рушащаяся экономика воодушевила жестоких маргиналов, и они усугубили опиоидную эпидемию, которая и без того опустошала город.

– Эй, посмотри-ка на это! – крикнула Камилла.

Дом поднялся на ноги рядом с ней и проследил за колонной «Хамви»⁸ Национальной гвардии, которые мчались по

⁷ Сообщество латиноамериканских банд, базирующихся преимущественно на севере Калифорнии.

⁸ От англ. HMMWV (Humvee) – High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle

шоссе по другую сторону от сухой бетонной канавы – бывшей реки Лос-Анджелес. Зрелище не вызывало удивления – учитывая беспорядки последних дней.

– Интересно, куда это они, – проговорил Лось.

– Кому какое дело? – сказал Рей. – Идем играть.

Глядя, как вседорожники пробиваются сквозь вяло плетущийся трафик, Дом подумал об отце. Он скоро должен был вернуться из Афганистана: его часть отзывали, чтобы помочь справиться с гражданскими беспорядками здесь, дома.

Это касалось не только части, в которой служил отец. Морпехи и солдаты возвращались из горячих точек по всему миру, и Дом боялся, что, вернувшись на американскую землю, им придется снова воевать. Повсюду витали слухи о второй гражданской войне. Люди обвиняли правительство, а в некоторых штатах, включая Калифорнию, уже поговаривали о выходе из союза.

– Скорей, Дом, – поторопил его Лось. – Нам уже задницы надирают.

– Я выйду, – вызвалась Камилла.

– Я сам, – возразил Дом.

Она снова заворчала и села обратно. Дом убрал полотенце с носа и посмотрел вверх, чтобы увидеть, как горизонт пересекает новостной вертолет.

(«высокоподвижное многоцелевое колесное транспортное средство») – американский армейский вседорожник.

На площадке опять стало шумно: Лось пошел на очередной данк и забил мяч. Дом отбросил окровавленное полотенце и выбежал на площадку.

– Как раз вовремя, детка, – сказал Лось.

Рей одарил его жемчужно-белой улыбкой на миллион долларов, знаменитой тем, что заставляла девчонок сбрасывать трусики. Дом вытер запястьем остатки крови с носа и повел мяч по площадке, чтобы на скорости и ловкости обойти Рея.

Они были примерно одних габаритов: шесть футов⁹, двести фунтов практически сплошных мышц. Идеальное сочетание на площадке при честной игре, но Рей не слишком любил играть честно.

«Посмотрел бы я, как бы ты выглядел против меня на ринге», – подумал Дом.

Лось поднял руку, прося пас, и Дом сделал вид, будто передает ему, а сам, с маневром оторвавшись от Рея, пошел на двухочковый бросок. Дом выпрыгнул и аккуратно бросил мяч. Тот ударился о щит и упал в сетку.

– Красавчик, – оценил Лось. – Снова в игре, детка. Двенадцать – десять.

Рей фыркнул и потянулся за мячом, когда тот отскочил от площадки. Поймав его, он повел мяч от кольца, а Дом взялся его опекать. Когда Рей приблизился для броска, Дом заблокировал ему путь корпусом и поводил руками вверх-вниз. Рей был быстр, но не настолько, как Дом или хотя бы его

⁹ 183 сантиметра.

младший брат Лось – хороший футболист, который привлек внимание скаутов из футбольного клуба «Лос-Анджелес».

Рей же не был ни у кого на примете, не считая университетской комиссии по делам несовершеннолетних.

Мяч пролетел через площадку обратно к Рею, и Дом сорвался за ним, пытаясь перехватить. Однако промахнулся, и Рей поймал мяч. Он успел сделать бросок, но Дом прыгнул выше, отбил мяч и приземлился сверху на Рея, усадив того на задницу.

Камилла хихикнула и кивнула Дому со скамьи.

– Какого черта! – возмутился Рей.

– Защита, чувак. – пожал плечами Дом.

Он наклонился, протянув руку, но Рей отмахнулся и встал сам. Сверкая глазами, он подступил к Дому, оказавшись с ним лицом к лицу.

– Полегче, ребята, – сказал Лось.

– Я твою дебильную задницу с концами вырублю, – пригрозил Рей.

Дом улыбнулся:

– Посмотрим, чем это для тебя кончится.

Лось попытался просунуть между ними руку, но Рей подтолкнул Дома, заставив его слегка отступить.

– Поберегись, – предостерег Дом.

– Не то что? Думаешь, ты тут крутой боец, да? – сказал Рей, скинув подбородок, словно напрашиваясь на удар. – Я слышал, ты и дерьма не стоишь.

Рей сплюнул, но Дом на это не купился. Все на площадке знали, что Дом дрался в «Октагоне» на твердую пятерку.

Рей оттолкнул Лося, и в этот момент вдали послышался грохот. Он быстро становился все громче, заглушив даже бухающие басы бандитского бумбокса. Дом посмотрел на восток. Он помнил этот шум по тем временам, когда они жили на военных базах.

– Что это? – спросил Лось. Они с Реем подошли к Дому, забыв о своем споре, и уставились на эскадрилью истребителей, которые с ревом пронеслись над горизонтом.

– Чувак, что они делают так близко от города? – спросил Рей.

Он был прав. Дом никогда не видел, чтобы самолеты летали так низко и так громко. У него даже уши заложило.

– Ложись! – крикнул Лось.

Дом пригнулся вместе с остальными, когда самолеты пронесли над ними, удаляясь в сторону города. Низкий гул постепенно стихал. Отдыхающие побросали недоеденную еду и, когда шум смолк, уже бежали к машинам.

– Что за черт? – спросил Лось.

– Не знаю, но это не к добру, – сказала Камилла.

Дом медленно поднялся и покачал головой. Она была права, и он чувствовал, что скоро должно случиться что-то скверное. Он мог только надеяться, что люди вроде его отца сумеют остановить волну насилия, прежде чем спасти Америку станет поздно.

Сидя в «Хамви», сержант морской пехоты Роналдо Сальваторе не слушал ни радио, ни разговоров вокруг. В другое время он молол бы языком вместе с остальными, особенно сегодня. Ведь взвод морпехов, известный как «Пустынные змеи», только что вернулся с боевого задания в бесплодных и опасных горах Кандагара.

За рулем был младший капрал Каллум «Зубчик» Макклауд, самый молодой из их четверки, а рядом с ним сидел штаб-сержант Зед Маркс. Роналдо сидел сзади вместе с капралом Уильямом «Капелланом» Беттисом, самым старшим в их небольшой группе.

Кабину «Хамви» наполнял рэп одного из новых лидеров американского хит-парада, который Зубчик читал с резким ирландским акцентом. Веснушчатый зеленоглазый парень не всегда говорил с акцентом, но когда это случалось – Роналдо и все остальные не могли сдержать смеха. Сегодня, однако, это скорее раздражало.

– Может, заткнешь хлебало, Зубчик? – осадил его Маркс. – Пожалуйста!

Зубчик широко ухмыльнулся, обнажив выступающие верхние резцы, за которые получил свое прозвище.

– Ай, а че, не нраицца мое музло, сержант? – проговорил он с максимально сильным акцентом, на какой был способен.

Капрал Беттис сдвинул брови, почесал седую голову и вернулся к занятию, которому обычно посвящал все свободное время, – стал читать затертую карманную Библию. «Капеллан» учился в духовной семинарии, пока не случилось одиннадцатое сентября. Он, как правило, держался сам по себе, но всегда был готов выслушать брата-морпеха, если тот в этом нуждался.

И сегодня Роналдо нуждался.

Колонна мчалась от передовой оперативной базы к центру Атланты. Обычно Роналдо удавалось забывать о других заботах, когда он отправлялся на задание, но сегодня его мысли были сосредоточены на семье, которая оставалась в Лос-Анджелесе.

Почти два десятилетия его жена Елена растила их сына Доминика и дочь Монику большей частью сама. Она была сильной умной женщиной, и хотя они пережили свою долю проблем в браке, он мог спать спокойно, зная, что дети с ней в безопасности.

Но сегодня он не был в этом так уверен. Ситуация продолжала обостряться, беспорядки и насилие разворачивались во всех крупных городах. В Лос-Анджелесе банды набирали силу, и любого подростка, не сумевшего найти работу, вполне могли завербовать.

Таким образом появлялось больше наркоманов, больше насилия, больше сломанных жизней.

Когда он прилетел из Афганистана шесть дней назад, Еле-

на умоляла его не ехать в Атланту. Вместо радостного возвращения домой, которое он себе представлял, они рассорились на глазах у детей.

Сейчас, находясь на другом конце страны, он ругал себя за то, что не сумел сдержаться. Но он мог хотя бы рассчитывать, что о женщинах позаботится сын. Дом был смысленным, храбрым и спортивным, поэтому Роналдо доверил ему пистолет и дробовик, чтобы он мог защитить мать с сестрой.

Он попытался прогнать мысли о семье, но вид встречной полосы шоссе, по которой местные покидали Атланту, ничуть не помогал.

«Может, и мне стоило их вывезти...»

Из всех сидящих в «Хамви» жена и дети были только у Роналдо – по крайней мере, дети, о которых было известно. Зубчик не мог держать свое хозяйство в штанах, и, вполне возможно, у него где-нибудь было потомство.

Беттис был одиночкой, а Маркс, как и многие из их боевых товарищей, пережил тяжелый развод. Всем им досталось от отношений, спасибо ужасам войны, которые они не могли не привозить с собой после каждого боевого задания.

– Они, наверное, думают, что найдут таким образом работу, – сказал Маркс, глядя на встречную вереницу машин, нагруженных узлами и чемоданами. – Напоминают беженцев, когда те покидали Багдад.

Роналдо приподнял шлем, чтобы вытереть пот с коротко остриженной головы. Хотя ему было тяжело мириться с

бедственным положением Америки, понять, как она до этого докатилась, не составляло труда. Страна трещала по швам из-за сочетания неблагоприятных погодных условий, краха экономики и социального кризиса.

Беттис на заднем сиденье перекрестился и начал тихонько молиться. Черты его лица оставались жесткими, и Роналдо подозревал, что на этот раз, чтобы пережить все это, молитв будет недостаточно.

– Полный трывдец, – заметил Зубчик, теперь с совершенно серьезным видом. Он повторил это уже сотню раз с тех пор, как они ступили на американскую землю, и все – нормальным голосом.

Роналдо подумал, что рэп, возможно, был не такой уж плохой идеей.

Зубчик перестроился в другую полосу, чтобы избежать столкновения с машиной, у которой дымился двигатель. Маркс обернулся и присмотрелся к Роналдо.

– Ты в порядке? – спросил он, подняв бровь.

– Ага, бро, в порядке.

– Нет, не в порядке, чувак.

Роналдо нахмурился. Они с Марксом почти двадцать лет сражались с повстанцами и террористами в адских горячих точках по всему миру и в результате научились читать друг друга, словно открытую книгу.

Маркс вздохнул:

– Мне не нужно заботиться о семье, братишка, а вот тебе

– да. – Он помолчал, подбирая верные слова. – Дом хороший парень. У него такие же инстинкты, как у папки, и он присматривает за Еленой и Моникой.

Под треск радио они спешили к центру города, петляя между полосами. У знаков «Стоп» они останавливались, только чтобы убедиться, что путь впереди свободен.

Протестующие становились все более дерзкими – били витрины, переворачивали машины, устраивали пожары.

– И такая херня во всех больших городах? – спросил Зубчик.

– Похоже на то, – ответил Марк.

– А мы что, будем просто стоять в сторонке, как воспитатели в детском саду? – Зубчик сделал паузу, чтобы осмотреть зубочистку, которую все это время жевал. – Я бы лучше туда...

Радио выдало еще одну новость, от которой Роналдо пробил озноб.

– Грязная бомба... порт Сан-Франциско... множество жертв...

– Срань господня, – проворчал Зубчик. – Сделай погромче.

Роналдо повозился с радио, снова вспомнив о семье. В Лос-Анджелесе им радиация не грозила, но что, если будут еще атаки?

– Шайка трусливых террористов наверняка, – сказал Зубчик. – Бьют, когда мы слабее всего. Долбаные трусы, мать их.

Он продолжил бормотать ругательства, а они следовали за колонной вглубь хаоса.

– Успокойся, – сказал Маркс, – а когда выберемся оттуда, держи палец подальше от спускового крючка, младший капрал. Ясно?

Зубчик кивнул, но его лицо выражало мрачную убежденность.

– Сержант, но по радио сказали...

– Ага, я слышал, и мы здесь, чтобы помочь гражданским, а не сделать еще хуже. Ты слышишь и понимаешь, что я тебе говорю?

– Четко и ясно, сержант.

– Хорошо.

Роналдо с Марксом переглянулись. Сначала убийства, теперь грязная бомба...

– Кто это делает? – спросил Роналдо в замешательстве.

– Кто-то, кто хочет устроить перезагрузку, – ответил Беттис.

– Перезагрузку?

Оставив свой молитвенный тон, Беттис пояснил:

– Эти террористы, внутренние или международные, кем бы они ни были, не взяли на себя ответственность за атаки, потому что их цель – посеять ужас. Уничтожить нашу страну, пока мы слабы. Вот почему убийцы были в масках.

– Это я и пытаюсь сказать, чувак, – сказал Зубчик, затягивая бронезилет плотнее.

– Два года до отставки, и тут страна разваливается на части, – добавил Маркс.

В небе прогрохотала пара «Черных ястребов»¹⁰. Когда они появились на горизонте, Роналдо увидел, что командиры экипажей вооружены пулеметами М240, установленными в открытых дверях.

– Это армия? – спросил он.

– Непонятно, – ответил Зубчик, вытягивая шею, чтобы разглядеть получше.

– Не армия, – сказал Беттис. – Новый Корпус.

Морпехи присмотрелись к «Черным ястребам». Роналдо заметил эмблему нового подразделения – Американских военных патриотов, или АВП, – голову ворона. Название ему не слишком нравилось, потому что патриотами были все морпехи, моряки, солдаты и гвардейцы. Но некий юный выпускник Гарварда, работающий в Белом доме, видимо, решил, что это звучит броско, а лозунг «Всегда на страже» оценят и граждане, которые почувствуют, что правительство и военные способны позаботиться о них в трудное время.

В ответ на беспорядки администрация реорганизовала Национальную гвардию, переведя ее под знамя АВП, и эта мера приносила плоды с удивительной скоростью.

– За этим, должно быть, стоит вице-президент Эллиот, – пробормотал Маркс. – Он как-никак четырехзвездный гене-

¹⁰ Американский универсальный вертолет, с 1976 года эксплуатируемый Армией США.

рал и дергает президента за ниточки, как марионетку.

Зубчик нервно усмехнулся, но Роналдо не находил это смешным.

– Это гениально и иронично, – сказал он. – Маркетинговая кампания правительства и вооруженные силы, заботящиеся о народе, – это именно то, что сейчас нужно людям: почувствовать, что правительству на них не плевать.

– Ага, – согласился Маркс, – а еще очередное оправдание для администрации Коулмана. Просто вывести войска из-под власти штатов, чтобы они не смогли восстать.

– И захватить лучшую технику, пока она еще у них, – добавил Беттис. – Я слышал, ВВС¹¹ тоже передадут в ведение АВП, и, значит, они получают доступ к новеньким F-35¹². Я-то думал, они должны были нам достаться.

– Да пусть забирают, – фыркнул Маркс. – Пустая трата денег, нахрен, со всеми их проблемами.

– Позор – отдавать кому бы то ни было то, что было сделано для морпехов, – пробормотал Зубчик.

– Ребят, вы только следите, кому это говорите, – предостерег Беттис.

Роналдо кивком согласился со словами старшего морпеха. Тот, конечно, был прав, и в любых разговорах о гражданской войне им следовало выбирать выражения. Армия, флот

¹¹ Военно-воздушные силы США.

¹² Американский малозаметный истребитель-бомбардировщик, эксплуатируемый войсками США с 2015 года.

и морпехи еще не были поглощены АВП, но чутье подсказывало Роналдо, что это лишь вопрос времени.

Когда колонна приблизилась к центру, Роналдо перекрестился и пробормотал молитву. За свою семью. За свою страну. И за всех людей, которым предстояло погибнуть от последствий взрыва грязной бомбы в Сан-Франциско.

– Хорошо видеть, что ты веришь в Бога, – одобрил Беттис. – Нам всем следует чаще к нему обращаться. – Он многозначительно посмотрел на Зубчика, но тот в ответ лишь ухмыльнулся.

– При всем уважении, старик, я не думаю, что Бог имеет какое-либо отношение к тому, что творится на этой планете.

Роналдо приготовился к очередному теологическому диспуту, но на сей раз его не последовало. Всех отвлекло очередное радиосообщение. Их колонну перенаправили в Олимпийский парк «Сентенниал», в самое сердце центральной части города. На противоположной стороне автострады движение замерло, и люди стояли у своих машин на полуденной жаре.

Вдоль обочины мелькали аварийные огни полицейских машин, сотрудники полиции штата делали все возможное, чтобы движение не прекращалось, но несколько заглохших машин создали пробку, препятствуя массовому исходу.

Роналдо поправил винтовку на плече. Мысль о том, что ею действительно придется воспользоваться, пришла ему в голову впервые с тех пор, как он вернулся в Штаты. Сможет

ли он это сделать? Сможет ли, в самом деле, стрелять по американцам?

«Если они террористы, то да, черт возьми».

А как насчет протестующих? Обычных людей, доведенных до безумия отчаянием.

Он прогнал эти мысли, когда колонна свернула на улицу, тянувшуюся параллельно железной дороге. По мосту через пути шли сотни людей.

Зубчик, следуя маршруту колонны, на следующем повороте свернул налево. Витрины магазинов здесь уже были разбиты, а на одном из тротуаров тлел кузов сгоревшей машины, которую загнал туда городской снегоочиститель.

На боковой улице шеренга полицейских в защитном снаряжении сдерживала толпу гражданских в масках и с рюкзаками. Те скандировали что-то неразборчивое.

Они подъехали к воротам зоны, где были сосредоточены войска, и Роналдо еще раз проверил свою экипировку. Перед въездом были сложены мешки с песком, и Роналдо кивнул солдату АВП, который поднял руку, когда «Хамви» въехал на парковку.

ФЕМА¹³, Красный Крест, различные службы города, штата и федералы – все объединились, чтобы сдерживать толпу на огромной стоянке к западу от железнодорожных путей.

Роналдо не ожидал, что местные будут их встречать. Он вышел из машины под гневные крики нескольких тысяч

¹³ Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях (FEMA).

недовольных граждан, собравшихся по ту сторону забора. Большинство было безработными и голодными – и конечно, обезумевшими.

– Так, слушайте! – рявкнул лейтенант Том Касл. Командирский голос и осанка заставили повернуть головы даже нескольких полицейских.

Маркс, Роналдо, Беттис и Зубчик встали в ряд, прижав винтовки к груди, остальные морские пехотинцы взвода собрались вокруг.

– Сейчас сюда по железной дороге поступят припасы, – сказал Касл. – Наша задача – защищать эти припасы и следить, чтобы их получали люди, которые в них нуждаются. Мы здесь не для того, чтобы совать нос в осиное гнездо, так что будьте начеку.

Роналдо снова подумал о семье. Если правительство не исправит положения, жизнь его детей пройдет в постапокалипсисе, как в тех книгах, которые он читал долгими одинокими ночами в местах дислокаций.

– И никто не стреляет без моего приказа, – продолжил Касл. – И меня не волнует, даже если вам заедут по яйцам. Всем ясно?

– Так точно! – прогремели морпехи.

Касл взялся за работу, разбив людей на группы. «Пустынные змеи» прошли за Марксом к полицейскому, который деловито выкрикивал приказы группе копов, которые выглядели уставшими, как собаки.

Чувство было такое, будто они вернулись в Багдад, в 2003 год.

«Черные ястребы», которые пролетали над федеральным шоссе, снова появились на горизонте. Над городом зависли еще две вертушки – обе совсем новые.

– Они хотят, чтобы мы поднялись на ту крышу, – сказал Маркс, показав на невысокое офисное здание. И повел их через плацдарм, остановившись, только чтобы пропустить прицеп-платформу. Грузовик с грохотом проехал перед ними.

Поднявшись по лестнице, морпехи вышли на крышу через незапертую служебную дверь. Маркс жестом показал разделиться, и они с Роналдо заняли позицию за выступом. Зубчик и Беттис обосновались напротив, откуда им было видно несколько городских кварталов – в том числе те, где находились гражданские протестующие и бунтовщики.

– Иисус на скакалке, – пробормотал Зубчик.

– Осторожнее, малец, – предостерег Беттис, сердито на него зыркнув.

– Прости. Как насчет...

– Как насчет того, чтобы ты заткнул варежку и сосредоточился? – прикрикнул на него Маркс.

Внизу, к востоку от них, зашипел и заскрежетал поезд, останавливаясь на путях, и несколько команд приготовились выгружать припасы, доставленные со складов ФЕМА. Роналдо, однако, сомневался, что этими пайками людей удастся успокоить.

Он посмотрел в оптический прицел на полицейский спецназ, который они миновали по пути сюда. Копов оттесняли к перекрестку, ближе к входу на плацдарм.

– У нас проблемы, – сказал он.

Маркс посмотрел в бинокль.

Против мятежников уже применили слезоточивый газ, но это только сильнее разозлило толпу. Несколько человек в банданах и масках пытались прорвать оцепление, бросали камни и кирпичи.

Площадь превратилась в пороховую бочку, и протестующие изо всех сил старались ее поджечь.

– Черт, там вообще засада, – сказал Зубчик и поднял винтовку.

– Полегче, – буркнул Беттис, положив руку на ствол.

Один из полицейских в защитном снаряжении упал на асфальт, и товарищи оттащили его назад.

– Всем успокоиться, – приказал Маркс.

С юга донесся грохот выстрела, и Роналдо повернулся, чтобы рассмотреть мост, с которого люди спускались на тросах.

– У нас проникновение, – предупредил он.

На западе тоже послышалась пальба, и упало сразу трое полицейских. Тактика нелетального сдерживания провалилась. Мятежники всей массой хлынули к воротам. Фитиль был зажжен.

Шум перекрыл грохот новостного вертолета, который

приближался, желая получить лучший вид на происходящее. Два «Черных ястреба» вышли наперехват, чтобы его прогнать.

Копы спецназа, унося раненых, отступали к бронированным машинам. Роналдо был впечатлен их дисциплиной: они не применили оружия даже после того, как их товарищи были серьезно ранены. Если они сумеют сохранить такую сдержанность, то вполне возможно, удастся не допустить эскалации.

Протестующим через полицейский громкоговоритель приказали отступить и сообщили, что помощь скоро придет. Некоторых это, похоже, смягчило – часть людей начала расходиться, но сотни других все равно приближались к плацдарму.

«Черные ястребы» кружили вокруг вертушки новостей, но гражданские не слушались приказов. Вертолет по-прежнему парил над толпой, снимая происходящее.

Рация затрещала сообщением от Касла:

– Если толпа снесет ворота, у нас есть разрешение открыть огонь по противникам, чтобы сдержать их. – И помолчал, словно сомневаясь в приказе, но затем добавил: – И если до этого дойдет, выбирайте цели внимательно.

Роналдо посмотрел на Маркса, который не мог скрыть потрясения на обычно спокойном лице.

– Мы правда сделаем это, бро? – спросил Роналдо.

– Да помилует Господь наши души, – сказал Беттис.

Прежде чем кто-то успел усомниться в приказе, вдалеке снова раздались выстрелы.

– Вот черт! – крикнул Зубчик, указывая на новостную вертушку. Роналдо с ужасом увидел, как та, получив несколько пуль, завертелась в воздухе.

Пилот пытался контролировать снижение, но рулевой винт отказал, и вертолет рухнул в западной части плацдарма, взорвавшись при ударе. Морпехи, копы и гражданские бросились врассыпную, но нескольких человек все же обдало огнем.

От оглушительного взрыва Роналдо пригнулся. В этот момент раздалась автоматная очередь. Он посмотрел в небо, где командир экипажа одного из «Черных ястребов» открыл огонь из M240. Он стрелял прямо по толпе, проходя рядами по мужчинам и женщинам, по протестующим и мирным демонстрантам.

– Прикажи этому тупому ублюдку прекратить стрелять! – завопил Маркс, размахивая руками.

Командир из АВП продолжал поливать огнем гражданских, небрежно забирая жизни, словно это были вовсе не люди. Крики ужаса доносились с территории плацдарма и снаружи, где на бетоне лежали раненые, истекающие кровью и пытающиеся отползти прочь.

– Остановите стрелка! – снова крикнул Маркс.

Но тот продолжал стрелять в толпу, убивая все больше гражданских, которые веером разбегались от ворот.

Роналдо понял, что это был единственный способ остановить кровопролитие. Он поднял винтовку и взял стрелка АВП на прицел.

«Да простит меня Господь», – подумал он и нажал на курок.

Мир пылал в огне, а дон Антонио Моретти сидел в своем кабинете в Комптоне, к юго-востоку от Лос-Анджелеса, допоздна работая над созданием новой империи. Они с братом мечтали об этом, еще когда росли в трущобах итальянского Неаполя¹⁴, задолго до того, как Моретти пришли к власти, и задолго до того, как эту власть у них отняли при внезапном нападении, когда погибло большинство членов семьи.

Кристофер стоял перед телевизором, попыхивая сигарой и поглаживая седеющую эспаньолку.

Они оба много сделали для осуществления своей мечты, но Антонио начинал задаваться вопросом: был ли переезд сюда верным решением? При трехстах с лишним тысячах итало-американцев, живущих в Лос-Анджелесе, присутствие мафии здесь стремилось к нулю. Но Моретти и еще одна неаполитанская семья, перебравшаяся сюда, как раз меняли эту ситуацию.

Потягивая эспрессо, он размышлял о жизни, а настенный телевизор транслировал жуткие новостные репортажи из разных концов Америки и всего мира. Ему не были в новинку ни война, ни политические волнения, ни криминал.

¹⁴ Неаполь (итал. Napoli) – город в Италии, на берегу северной бухты Неаполитанского залива. Административный центр области Кампания и провинции Неаполь. В США также есть город Неаполь (англ. Naples), штат Флорида.

Трагедии были частью истории семьи Моретти, а кровавая баня, устроенная восемь лет назад на похоронах их отца в Неаполе, оставила в его сердце незаживающие раны. Переезд в Америку был похож на бегство, но только так он мог уберечь жену и сына.

Здесь все было неплохо. Уехав из Неаполя, они сумели сохранить в силе сделку с семьей Гонсалес из Колумбии. Поставки были небольшими – в основном кокаин, фармацевтические опиоиды и марихуана, – но высококачественный продукт вернул им вложения с лихвой. Это помогло им держаться на плаву, занимаясь мошенничеством с кредитными картами и скупкой краденых товаров из Европы.

Но дела шли туго, и конкуренция с глубоко укоренившимися преступными группировками вынуждала жить на то, что дают. Врываться в наркобизнес по-крупному было и во все опасно, так как буквально все территории подчинялись какой-нибудь из соперничающих организаций.

Кристофер рассматривал единственное украшение комнаты – постер «Бешеного быка», фильма восьмидесятого года об итальянском боксере в среднем весе, который потерял все. Антонио держал его как напоминание о том, что и он может все потерять, если не будет осторожен.

Он и так потерял многое. Большую часть семьи. Город, в котором родился. Охраняемое поместье, которое они называли домом, роскошные костюмы, машины...

Я отомщу. Если не в этой жизни, то в аду.

– Присядь, Крисси, – сказал Антонио, глядя на часы. Скоро он узнает, удалось ли Лино и Закари выполнить задание и уничтожить оставшихся членов клана Канаваро.

Он поднялся и закрыл дверь, чтобы защитить десятки мешалок с одеждой из Великобритании, покрытых полиэтиленовой пленкой. Он не хотел, чтобы товар пропах дымом, прежде чем он выставит его на черный рынок.

Кристофер сел за карточный стол.

– Мы пережили трущобы, войну на Ближнем Востоке, войну против нашей семьи в Неаполе ради этого дерьма? – проговорил он с сильным неаполитанским акцентом.

Антонио взглянул на грессбухи, разложенные на столе. Последние несколько лет он тоже беспокоился о будущем, но там, где его брат видел угрозу их растущему бизнесу, Антонио видел возможность.

– То, что происходит, поможет нам осуществить мечту, – сказал Антонио.

– Ты сам говорил, – напомнил Кристофер, – мечта без стратегии – просто мечта. – Он затянулся сигарой и выпустил дым в потолок. – Тут не Неаполь. Здесь больше банд, выше конкуренция. Больше угроз. Мы чудом пережили последнее нападение, и я потерял Грету.

– Знаю, и мне бесконечно жаль, брат.

– Мы слабее, чем были тогда, Антонио. Там нужно вырасти, прежде чем расширяться.

– Я знаю. Но прошу, доверься мне.

– Я тебе доверяю, – ответил Кристофер. – Я просто жду, когда ты изложишь свой блестящий план, расскажешь, как мы здесь разбогатеем, и нас при этом не убьют. Потому что мы прожили здесь шесть лет, и я начинаю беспокоиться, особенно после всех этих новостей.

– Это, – ответил Антонио, указав рукой на экран, – для нас хорошо, и через несколько часов ты поймешь почему.

Он сдержанно усмехнулся. Хороший игрок показывает свои карты, только когда это необходимо. Антонио не любил выдавать информацию, но настало время поделиться с братом и самыми надежными доверенными людьми.

Кристофер наклонился и стряхнул пепел в стеклянное блюдо. В новостях принялись рассказывать о грязной бомбе в Сан-Франциско.

– И тебя это не тревожит? – спросил Кристофер.

Антонио глотнул кофе.

– Я беспокоюсь за семью.

– Я тоже, – сказал Кристофер. – И не хочу потерять сына так же, как потерял Грету.

– Мы пережили и худшее, а к этой войне я готовился.

Кристофер взял пульт и прибавил громкость. На экране появились кадры с реорганизованной Национальной гвардией. Но речь шла не о прибытии войск АВП в Лос-Анджелес, а о призывных пунктах.

– Центры АВП появляются по всей стране, привлекая безработных мужчин и женщин, которые отчаянно нуждаются

в заработке, – сказала журналистка, стоявшая рядом с длинной вереницей людей у призывного пункта с эмблемой в виде ворона. – Вербуются также младшие офицеры из других родов войск и прочие наемные силы. Сейчас на улицах действуют десятки тысяч бойцов Национальной гвардии.

– Господи, – сказал Кристофер. – Эти ведущие начали выдавать почти такое же государственное дерьмо, которое лилось на нас в Италии. Правительственная пропаганда.

Антонио сложил руки домиком, но не для молитвы. Он молился, когда без этого нельзя было обойтись, а его нынешний план мог сработать и без Божьей помощи.

– Все это полезно для бизнеса, – сказал он. – Полиция уже отвлеклась на мародеров и мятежников. Возможно, это шанс, которого мы ждали. Мы умеем зарабатывать в трущобах, умеем справляться с такими ситуациями. Дон Джузеппе и наш папа были хорошими учителями.

– Упокой Господь их души, – пробормотал Кристофер, перекрестившись.

Антонио взял четки со святым покровителем семьи Моретти – Франциском Ассизским, поцеловал золотой талисман и произнес молитву обо всех, кого они потеряли.

Воспоминания о нападении в базилике разожгли в Антонио ярость. Но ощущение колотящегося сердца напомнило ему, что он еще жив, и пока его сердце качает кровь, он отомстит всем оставшимся виновникам.

Следующим в его списке был дон Энцо Сарконе.

Bastardo¹⁵, который участвовал в уничтожении семьи Моретти.

Он тоже переехал в Лос-Анджелес, когда – несколько лет назад – другие кланы выступили против него. Это было одной из причин, по которым Антонио приехал сюда – не только возродить семейный бизнес, но и убить Энцо и переманить его клиентов. И этот день близился.

Он отбросил мысли о мести и подошел к громоздкому сейфу позади стола. Набрав код, он потянулся за тем, что осталось от его резервов – это было чуть меньше шестидесяти тысяч долларов. Вернувшись к столу, Антонио положил на него пачки сотенных купюр.

– Полиция, АВП и другие военные заполонили город, – сказал Кристофер. – Сейчас не время менять что-то в наркоторговле. Да и мы лишь мелкая рыбешка...

– Вот именно поэтому сейчас подходящее время. Полиция и военные слишком заняты, чтобы разбираться с... как ты сказал? «Мелкой рыбешкой». Они слишком сосредоточены на мятежниках и известных бандах.

– У нас недостаточно людей, чтобы расширяться, – сказал Кристофер. – Мы и так еле сводим концы с концами. Здесь «Нортеньос» контролируют десятки латиноамериканских банд. Да еще и «Крипс». И «Бладс». И ребята из Юго-Восточной Азии, и... – Он затащил сигарой. – Черт, мы даже не можем справиться с Энцо!

¹⁵ Ублюдок (итал.).

Антонио расслышал в его голосе злость и с трудом сдержал свою.

– Терпение – добродетель, которой у тебя никогда не было, брат, – сказал он. – Ты должен помнить, что жизнь длинна и, чтобы достичь успеха, требуется терпение и способность планировать. У меня было достаточно времени, чтобы продумать нашу месть, и ее час почти настал.

Кристофер не ответил.

– Лос-Анджелес похож на Неаполь с его бандами, – продолжил Антонио. – И это тоже одна из причин моего решения поселиться здесь, а не где-нибудь еще. Мы понимаем, как устроена эта среда, и это дает нам преимущество. В Италии правительство коррумпировано, а с ним и полиция, и армия. То же самое начинает происходить здесь, и другие банды, которые ты сейчас перечислил, не знают, как иметь дело с копами – или с АВП. А я знаю.

Кристофер наклонился, чтобы стряхнуть пепел в блюдце.

– И что с того, что мы знаем, как иметь дело с грязными копами, грязными военными и грязными политиками?

– То, что сейчас у нас есть шанс наладить с ними работу.

Кристофер откинулся в кресле, задумавшись над его словами.

В дверь постучали, на пороге показался Рафаэлло Турси.

– Дон Антонио, – сказал он, – ваши гости прибыли.

– Спасибо. Приведи их, – распорядился Антонио.

Рафф кивнул и попятился, но Антонио попросил его за-

держаться.

– Присмотри сегодня за Лючией и Марко, – попросил он. – Я не знаю, когда буду дома.

– Конечно, сэр, – учтиво ответил Рафф.

Солдат был одиноким спокойным человеком, которому, как часто казалось Антонио, больше подошла бы другая работа. Но Антонио никогда не просил Раффа убивать, и именно поэтому тот сегодня должен был присмотреть за семьей, а не идти с ними.

Дверь снова открылась, и в комнату с дерзкой ухмылкой вошел их двоюродный брат Закари Моретти, намного моложе их. После того рокового дня в Неаполе он превратил свой лишний вес в мускулы. А сегодня дополнил образ белокурым ирокезом.

– Дон Антонио, – произнес он с сильным акцентом. – Кристофер.

– Что за зверь, черт возьми, сидит у тебя на голове? – спросил Кристофер. – Тебе лучше согнать его, пока он на тебя не насрал.

Антонио рассмеялся, но Закари лишь пожал плечами:

– Мне типа нравится.

– Где Лино? – спросил Антонио.

– Скоро будет.

Закари прошел в комнату, его грудные мышцы перекатывались под большим золотым крестом, видневшимся из-под расстегнутой спортивной куртки.

– Ну что, может, расскажешь, что произошло? – спросил Кристофер.

Закари посмотрел на Антонио, спрашивая разрешения.

– Подождем Лино, – сказал Антонио. После восьми лет ожидания мести, что могли решить несколько лишних минут?

– Какой он? – спросил Кристофер. – Наш дом... какой он теперь?

– Не такой, каким был, – ответил Закари. – Там многое меняется, и не думаю, что к лучшему.

Его английский, как и у Кристофера, был не из лучших, и отчасти по этой причине Антонио настаивал, чтобы они общались на своем втором языке. Он никогда не хотел оказаться в положении, когда люди, особенно враги, могут говорить между собой так, чтобы он их не понимал. И по этой же причине он также учил испанский.

Снаружи по кафельному полу застучали каблуки. Это могли быть только итальянские кожаные туфли Лино Де Каро. Вошел жилистый, тощий как жердь мужчина в костюме, с двумя дорогими кольцами в ушах и солнечными очками на лбу.

– Ты тоже подстригся, – заметил Кристофер.

Лино провел рукой по бритой голове. И, взглянув на Закари, сказал:

– Спасибо, что дождался, Желтохвост.

– Прости, мужик. – Закари пожал плечами.

– Желтохвост? – переспросил Кристофер. – Кто такой, черт возьми... О!

– Мое новое прозвище, – сказал Закари. – Хотя я о нем не просил. Но думаю, прилипнет.

– Хватит трепаться, – сказал Антонио и указал на карточный стол и шесть перетянутых банковской лентой пачек банкнот, сложенных в центре. Когда-нибудь у них будет настоящий стол для переговоров, где будут обсуждаться операции на миллионы долларов. Но чтобы к этому прийти, нужно было серьезно рискнуть.

Желтохвост и Лино сели.

– Дело сделано? – спросил Антонио.

Оба кивнули.

– Все наши враги – до единого – либо лежат в земле, либо бежали и больше не вернутся, – сообщил Лино. – Мы можем возвратиться домой, как только захотим. И позволить родственникам перестать прятаться.

Антонио откинулся в кресле, его одновременно знобило и обдавало жаром.

– Не все враги, – сказал он.

Трое мужчин посмотрели на него, но никто не произнес ни слова.

– Есть причина, по которой я не поехал с вами в Неаполь, – сказал Антонио. – Я решил, что будущее Моретти здесь, в Лос-Анджелесе, где мы можем утвердиться. Я уже привел все в движение. Скоро кузен Вито и остальные наши

выжившие родственники приедут в Stati Uniti¹⁶, чтобы присоединиться к нам.

– Но... – начал было Желтохвост, проводя рукой по своему светлому гребню.

– Я принял решение, и дело тронулось с места, – заявил Антонио. – Я приехал в Америку не только затем, чтобы избежать крови. Я приехал сюда не затем, чтобы уничтожить семью Сарконе. И не затем, чтобы жить достойно. Я приехал затем, чтобы сделать состояние. Рушащаяся экономика как раз дает нам такую возможность, и мне нужна помощь каждого члена семьи, всех до единого.

Желтохвост смотрел на Антонио во все глаза, Лино сохранял привычное спокойствие, а Кристофер остался, как всегда, хмурым.

– Неаполь нам больше не дом, – сказал Антонио. – Нам следует с этим смириться. – Он посмотрел на часы и вручил Кристоферу сумку для денег. – Пора положить деньги туда, где рот, как говорят американцы¹⁷. Следуйте за мной и будьте готовы.

– Готовы к чему? – спросил Кристофер, вставая.

Антонио остановился в проеме, избегая взгляда брата.

– Ты либо доверяешь мне, либо нет.

Они вышли из кабинета, прошли мимо комнат, в которых

¹⁶ Соединенные Штаты (итал.).

¹⁷ Английская идиома put your money where your mouth is (букв. «положить деньги туда, где рот») используется в значении «подкрепить слово делом».

часто оставались ночевать, и вышли в открытый склад, заставленный стеллажами с дизайнерской одеждой, упакованной в пленку.

Здесь проводили инвентаризацию Винни Моретти и его лучший друг Даниэль «Доберман» Педретти. Оба молодых человека повернулись и чинно встали бок о бок, выражая почтение к старшим.

Доберман опустил густо татуированные руки. Он был на четыре-пять дюймов выше Винни, невысокого, как его отец.

– Мне нужно, чтобы это все продали оптом, – сказал Антонио. – И быстро.

Приказ вызвал недовольный взгляд Кристофера. Антонио не винил брата. Продав все оптом, они заработают гораздо меньше, но для того, чтобы его план сработал, наличные требовались прямо сейчас.

– Будет сделано, дон Антонио, – сказал Винни.

Он был славным малым. Сильным, как его отец, но смышленее. Антонио надеялся, что Марко тоже станет сильным и умным, как его старший кузен. Но ему было до этого еще далеко. Ему еще не исполнилось двенадцати, и его интересовали только видеоигры и музыка. И девочки еще не привлекали его внимания.

Старшие вышли в открытую дверь смежного со складом гаража, где стоял фургон «Тойота», «Мерседес-Бенц С-Класса седан» начала двухтысячных и трехлетний «Кадиллак Эскалейд». Гараж охраняли двое соучастников Моретти,

оба из низов, и ни один из них еще не был официально принят в клан. Они проследили за тем, как Антонио подошел к стеллажам, где хранилась экипировка и оружие.

– Собирайтесь, джентльмены. – Он снял пиджак и надел бронежилет, подтянув его по бокам. Остальные последовали его примеру. Желтохвост взял свой AR-15, Кристофер – «Моссберг» двенадцатого калибра, а Лино вставил дополнительный магазин в MP5.

Антонио сунул пистолет в кобуру на поясе и надел пиджак. Все погрузились в «Эскалейд», Желтохвост сел за руль.

Охранники открыли дверь гаража, выходящую на пустынную улицу под темным небом. Большинство людей убиралось с улиц задолго до девяти вечера, когда вступал в силу комендантский час. За его соблюдением следили и полиция, и АВП.

– Куда? – спросил Желтохвост.

Антонио вынул мобильник, набрал адрес и передал телефон вперед. Желтохвост взглянул на пункт назначения и усмехнулся.

– Смешно, дон Антонио, – сказал он.

– Что смешного?

Желтохвост поднял брови под обесцвеченными волосами.

– Вы хотите, чтобы я отвез вас к дому дона Сарконе?

Антонио кивнул:

– Хочу посмотреть, где змея прячется по ночам.

Больше никто ничего не сказал, и Желтохвост выехал из гаража. Да и потом едва ли кто-то проронил хоть слово, пока они ехали по Лонг-Бич¹⁸, который контролировали в основном «Бладс» и «Нортеньос».

По дороге им попало несколько «Хамви» АВР. На боевой башне каждой из машин стоял военный, который водил стволом пулемета М240 с прожектором по социальным многоэтажкам.

– Комендантский час наступит через два часа, – сказал Кристофер. – Если нас остановят, как мы объясним, откуда у нас оружие и наличка?

– А не надо останавливаться, – ответил Антонио, глядя в окно на один из самых суровых районов Комптона.

Неприятности всегда случались с бедняками. Он вспомнил те времена, когда его семья жила в месте вроде этого – до того, как его отец с дядей занялись наркобизнесом и заработали миллионы.

Когда он был мальчишкой, приходилось туго, и сейчас тоже было непросто. То, что Антонио и Кристоферу приходилось делать в жизни, обычно преследовало людей в старости, но Антонио был благодарен событиям, воспитавшим его характер, и он жил без сожалений. Он не только вырвался из оков бедности, но и выжил в двух войнах и перебрался в Америку.

¹⁸ Город в тридцати двух километрах к югу от центра Лос-Анджелеса.

Время борьбы почти закончилось. Наконец близилось время восстановления семьи Моретти.

Желтохвост перестроился перед вереницей машин у заправочной станции. На стоянку заехал «Хамви» с эмблемой в виде вороньей головы, и из него выскочили вооруженные военные, покрикивая на водителей в очереди.

– Чтоб меня! – выпалил Желтохвост. – Бензин по двадцать баксов за галлон¹⁹!

– А на воду ты цены видел? – спросил Кристофер. – Десять баксов за бутылку.

Антонио взглянул на изможденные лица водителей в очереди. Многие из них были родителями с детьми. Они хотели заправиться и уехать туда, где, по их мнению, было безопаснее, чем здесь.

Моретти свернули к ряду дорогих домов в Лос-Серритос. В этом районе Лонг-Бич и жил глава клана Сарконе.

Здесь практически не было уличной преступности, потому что местные семьи поручали охрану собственности доверенным людям. Желтохвост припарковался под коралловым деревом, чтобы машину не увидели вооруженные охранники, патрулирующие квартал. Но Антонио приехал не для того, чтобы создавать проблемы. Он приехал ради мотивации – чтобы увидеть дом последнего живого человека, предавшего семью Моретти.

Антонио заговорил со своими людьми по-итальянски (а

¹⁹ Примерно семьдесят пять долларов за литр.

он делал это очень редко), называя Моретти *perdenti* – слабаками. У них было много общего с Канаваро и Сарконе, двумя кланами, вступившими в сговор, чтобы свергнуть Моретти.

– Слабаки обращали империи в пепел, – сказал Антонио. – Мы же построим свою на углях.

Одной из задач главаря было учиться у врагов. Пора было использовать свой статус слабаков и аутсайдеров как преимущество.

– Смотрите внимательно, – сказал он. – Так скоро заживем мы. Но прежде чем мы отрежем голову этой *serpente*²⁰, нам нужно подготовиться.

Взглянув на часы, он увидел, что они уже опаздывали на настоящее дело.

Через пятнадцать минут они въехали на парковку за заброшенным «Уолмартом». Разбитые окна и вынесенные двери были закрыты фанерой. Несколько ресторанов фастфуда и сетевых магазинов тоже были заколочены досками. Вокруг не было никаких машин, кроме стоявшего посреди парковки одинокого «Хамви» с эмблемой АВП.

Вид напомнил Антонио неаполитанские трущобы.

– Вроде чисто, но здесь куча мест, где можно спрятаться, – заметил Кристофер, сжимая дробовик.

Брат был прав, и Антонио почувствовал тревогу и вместе с ней – неуверенность. Но этого было недостаточно, чтобы он отказался от операции.

²⁰ Змея (итал.).

– Припаркуйся вон там, – сказал он, указывая на середину стоянки. Так у них будет несколько путей к отступлению, если придется уходить в спешке. Желтохвост остановился в нескольких сотнях футов от «Хамви» и выключил фары.

– Это кто? – спросил Лино.

– Друг из АВП, – ответил Антонио.

Он поцеловал медальон на четках и произнес короткую молитву. На этот раз без нее было не обойтись.

Антонио взял сумку с деньгами и выбрался из «Эскалейда».

– Оставайся здесь и не глуши двигатель, – сказал он Желтохвосту.

Кристофер и Лино подошли вместе с ним к «Хамви», где у кенгурятника стояли двое солдат с автоматами М4А1.

– Ты опоздал, – сказал тот, что покрупнее – капрал с начинающим расти пивным животом, нависавшим над ремнем.

Второй солдат был его полной противоположностью – подтянутым и с квадратной челюстью. Он протянул руку.

– Рад тебя видеть, сержант Раш, – сказал Антонио.

– Деньги принес? – спросил коренастый.

Антонио пристально посмотрел на капрала.

– Расслабься, Крейг, – сказал Раш.

Капрал фыркнул:

– Не нравится мне иметь дело с этими итальяшками.

– Что ты сказал, мать твою? – Кристофер шагнул вперед.

Крейг тоже сделал шаг, чтобы оказаться перед ним, и Ан-

тонио поднял сумку, чтобы разрядить обстановку.

– Деньги здесь, – сказал он.

Это остановило Крейга на полпути.

– Ты понимаешь, что делаешь? – пробормотал Кристофер.

– Где пушки? – спросил Антонио.

Раш обошел «Хамви» и открыл заднюю дверь, показав несколько ящиков с автоматами М4А1.

– Пятнадцать, как ты заказывал. Плюс двадцать тысяч патронов. Хватит на небольшую войну.

Антонио натянуто улыбнулся. Именно. Пока они с Лино осматривали товар, Кристофер не сводил глаз с тучного капрала.

– Скажешь мне, зачем тебе все это нужно? – спросил Раш.

– Для безопасности, – ответил Антонио.

– Откуда мне знать, что я не продаю пушки, из которых будут стрелять в американских солдат? – усомнился Раш. – Сейчас приходит много сообщений о том, как в наших товарищей стреляют на контрольных пунктах и просто на улицах.

Антонио выдержал взгляд сержанта.

– Я воевал вместе с американскими солдатами на Ближнем Востоке. Мы оба воевали. – Он кивнул на Кристофера. – Вы нам не враги, вы друзья.

– Вы воевали вместе с американцами? – усмехнулся Крейг. – С чего мне в это верить?

– Капрал, заткни пасть! – рывкнул Раш.

Крейг напрягся, хотя из-за обвисшего живота это было едва заметно.

Раш изучающе смотрел на Антонио, пытаясь понять, не лжет ли он.

– И где вы воевали? – спросил он.

– Полгода в Афганистане в две тысячи шестом. Участвовали в спецоперации по ликвидации «террористической ячейки», как вы их называете.

Антонио опустил детали. Сержанту не следовало знать, что оружие предназначалось для солдат Моретти, прибывающих из Италии. Он взглянул на дробовик Кристофера. Их нынешнее вооружение выглядело довольно жалко.

– Пятьдесят тысяч, – сказал Антонио, передавая сумку.

Раш заглянул в нее и улыбнулся:

– С вами приятно иметь дело, мистер Моретти.

– И с вами. – Пожав сержанту руку, Антонио дал знак «Эскалейду». Желтохвост подъехал и припарковался рядом с «Хамви».

– Я помогу их загрузить, – сказал Раш.

Они с Лино начали перекладывать ящики с оружием и боеприпасами в багажник «Эскалейда». Антонио взглянул на часы. До комендантского часа оставалось сорок пять минут – достаточно, чтобы успеть добраться до дома.

Стоянку осветили фары, послышался рев дизельного двигателя. Раш и Лино оглянулись на приближающийся «Хам-

ви». Кристофер вскинул дробовик, но Крейг нацелил свое оружие на его крючковатый нос.

– Даже не думай, италяшка сраный, – проговорил Крейг и перевел ствол на Антонио, который потянулся к своему «Глоку». – Я бы на твоём месте этого не делал.

– В чем дело? – спросил Раш, отступая от вседорожника.

– Деловая сделка, – ответил Крейг с дерзкой ухмылкой.

– Ты что, мать твою, творишь, капрал? – сверкнул Раш глазами.

– Использую шанс, – ответил Крейг.

Второй «Хамви» остановился, и из него выпрыгнули четверо бойцов в масках и черной форме АВП.

– Ах ты, сукин сын, – прошипел Раш, потянувшись к кобуре своего М9.

– Не делай глупостей, – предостерег Крейг и указал стволом на «Эскалейд». – Выходи из машины. – И он снова взял на мушку Кристофера, который уже положил свой дробовик на землю.

Желтохвост взглянул на Антонио, и тот кивнул, велел подчиниться приказу.

Еще четверо солдат АВП развернулись веером с поднятыми винтовками.

– Бросайте оружие! – крикнул один.

– Тебя это тоже касается, – сказал Крейг Рашу.

Сержант медленно убрал руку с кобуры пистолета.

Солдаты АВП окружили их, держа на прицеле Антонио,

Желтохвоста, Лино и Кристофера.

Никто из них не заметил двух вспышек выстрелов с крыши «Уолмарта». Двое солдат АВП рухнули на землю. Остальные двое повернулись, как раз вовремя, чтобы увидеть вспышки за миг до того, как каждый получил по пуле в лоб.

Антонио вскинул свой «Глок» и дважды выстрелил в грудь ошеломленному Крейгу. Тот повалился на колени, издавая булькающие звуки из-за пробитого легкого. Взгляд широко раскрытых глаз блуждал, пока не остановился на Антонио, который подошел и подобрал брошенный капралом М4.

– Хорошая пушка, – заметил он, передавая Лино автомат.

Антонио наклонился к Крейгу. Капрал изо всех сил пытался дышать поврежденными легкими.

– Мы с тобой не такие уж разные, – сказал Антонио. – Оба используем возможности. К несчастью для тебя, я еще и параноидальный сукин сын. – Он лукаво усмехнулся. – Это у итальяшек золотое правило.

Крейг попытался ответить, но захлебнулся кровью. Он завалился на бок, и Антонио ногой перевернул его на спину, вскинул «Глок» и четырежды выстрелил в жирное брюхо. От пуль его живот затрясся, как желе.

Раш поднял руки.

– Я тут ни при чем, – проговорил он. – Клянусь.

– Я тебе верю, – сказал Антонио, указывая «Глоком» на

Раша, – но ты свидетель, и ты знаешь мое имя.

– Ты сказал, что не будешь использовать эти пушки против солдат, – сказал Раш, отступая на пару шагов.

– Ты прав, – согласился Антонио. – Я и не собирался, но вот насчет него я ничего не говорил.

– Прошу, – взмолился Раш. – У меня жена и дети.

– Кончай его, и поехали, – буркнул Кристофер.

К ним подбежали двое снайперов с крыши. У обоих были «Ремингтоны 700» с оптическим прицелом – винтовки со скользящим затвором. Фрэнки и Кармин тоже выжили в день нападения почти восемь лет назад, как и их жены из семьи Моретти. Они не были родными по крови, но верно служили Антонио после переезда в Лос-Анджелес.

У Фрэнки во рту была спичка – он жевал ее, чтобы бросить курить.

Антонио кивнул ему и подошел к Кармину. Бывший снайпер также служил в альпийском полку и нашел сегодня хорошее применение своим навыкам.

– Хороший выстрел, – сказал Антонио.

Кармин сплюнул на землю жевательный табак и гордо ухмыльнулся. У него была ямочка на одной щеке – вторую стер осколок гранаты, которая едва не убила его, оставив на память страшный шрам.

Взгляд Антонио скользнул к американскому флагу на дверце «Хамви», и он вспомнил гордость, которую чувствовал, воюя бок о бок с американскими солдатами на Ближнем

Востоке. Сержант, стоявший перед ним, был похож на военных, которых он помнил по тому времени.

– Хочешь новую работу? – спросил Антонио. – Получше этой?

Рашу не нужно было долго раздумывать.

– Да, сэр.

– Хорошо. У меня есть место для такого, как ты, но если перейдешь мне дорогу – закончишь, как этот жирный урод.

Антонио повернулся к своим людям и отдал приказ. Те быстро забрали у мертвых солдат АВП оружие и экипировку.

Фрэнки пригнал еще одну машину и открыл багажник. Послышался сдавленный хрип, и Антонио, подойдя, увидел корчащегося бандита с повязанной вокруг рта банданой.

– Достань его, – сказал Антонио.

Фрэнки и Кармин вытащили парня.

– Это кто еще такой? – спросил наблюдавший за ними Кристофер.

– Подонок из «Суреньос», – ответил Кармин.

Латиноамериканец дергался в их хватке, с разбитого лица капала кровь. Фрэнки не оставил на нем живого места.

– Что ты творишь? – спросил Кристофер.

– Начинаю войну, – ответил Антонио. Он снова вскинул М4 и выстрелил в живот «Суреньос». Фрэнки и Кармин разжали руки, и бандит рухнул на асфальт.

Антонио позволил ему отползти. Нужно было, чтобы все выглядело правдоподобно. Постановка удастся, только если

АВП поверят в то, что случилось, и для этого нужно было, чтобы им подыграл Раш.

Бандит переполз через стоянку и, обессилев, замер. Фрэнки подбежал к нему, сорвал бадану со рта и швырнул ее на землю.

Антонио запрыгнул в «Хамви» вместе с Рашем и Кристофером, остальные забрались в другие машины. Странно было вновь оказаться в армейской машине, особенно не под итальянским зелено-бело-красным флагом. Но теперь для Антонио имело значение лишь одно знамя – Моретти.

– Почему ты не рассказал мне, что все это планировал? – спросил Кристофер.

– Потому что ты сказал бы мне этого не делать.

– Тут ты прав, – ответил Кристофер. И полуулыбка брата сказала Антонио, что он, наконец, начинал понимать.

– Когда все это закончится, у нас будет дом в Лос-Серритос, как у Энцо Сарконе, и много чего еще. – Антонио хлопнул Кристофера по плечу. – Вот увидишь, братишка. Вот увидишь.

Доминик смотрел на небо с заднего крыльца своего дома в Дауни, к юго-востоку от Лос-Анджелеса. Скромное жильё было немногим лучше, чем на военной базе, но ему нравилось, что у него есть собственная комната.

И иметь задний двор тоже было здорово. Он стоял там, прислушиваясь к грохоту истребителей. С тех пор как над парком пролетела эскадрилья, Дом опасался, что она вернется и на этот раз сбросит свой груз на невинное население Города ангелов.

И на не слишком невинное тоже...

Жизнь рушилась по всей стране, люди получали увечья и гибли в волнах насилия. И пострадавших становилось все больше и больше. Банды воевали между собой, мирные граждане попадали под перекрестный огонь. Наркоманы умирали на улицах от передозировки. Люди дрались за еду и воду, протестующие вымещали злость на полицейских и солдатах.

На прошлой неделе группа АВП попала в засаду, устроенную бандой «Суреньос». Изувеченные трупы были найдены завернутыми в черные флаги с воронами и подвешенными на эстакаде шоссе, словно летучие мыши. Потом взвод морпехов на контрольном пункте близ порта Лонг-Бич расстреляла группа, связанная с «Нортеньос», — у военных забрали

оружие, раздели догола и подожгли.

Жертвами стали люди вроде отца Дома, просто пытавшиеся помочь правительству восстановить контроль над Штатами.

Когда солнце скрылось за горизонтом, вдали послышался хлопок выстрела – словно напоминание о том, что правительство теряло контроль над ситуацией.

Особенно плохо дела обстояли в Лос-Анджелесе. Банды становились все сильнее и продолжали организовываться, особенно «Нортенос», которые процветали при такой анархии.

Дом глотнул воды из бутылки и обернулся на мать с сестрой. За стеклянной дверью кухни Елена готовила ужин – что-то с восхитительно пахнущим соусом для пасты. Это была не та лапша с домашним соусом маринара, которую они ели раньше, но все равно пахло отлично.

Моника сидела за кухонным столом и читала книгу. Телевизор за ее спиной беззвучно показывал новости.

Не считая нормированного питания и отсутствия отца, обстановка мало отличалась от обычного позднего вечера. Родители, как могли, старались сделать жизнь «нормальной». Купили скромный дом вдали от базы, отправили их учиться и заниматься спортом. Но Дом не был уверен, что все когда-нибудь вернется на круги своя. Слишком многое изменилось в последнее время.

Вместо того чтобы думать о колледже, о подготовке к эк-

заменам или занятиях в местном спортзале, Дом стоял во дворе с висящим за спиной дробовиком и пистолетом за поясом. Он предпочел бы играть сейчас в баскетбол с Камиллой и Лосем или готовиться к следующему бою в «Октагоне», но был здесь и дежурил на заднем дворе.

Месяц назад, когда Роналдо вернулся из Афганистана, он посмотрел Доминику в глаза и сказал, что оружие теперь принадлежит ему и он – главный мужчина в доме. И как бы Дому ни хотелось этого признавать, он знал: рано или поздно ему придется пройти проверку.

Как он себя поведет, если обстоятельства вынудят его отнять чью-то жизнь?

Большинство молодых людей никогда не задавалось этим вопросом, но Дом над ним размышлял, и очень часто. Город неуклонно скатывался в анархию, и, пока отец отсутствовал, Доминик должен был защищать семью.

Раздвижная дверь скользнула в сторону, и из проема высунулась голова Моники.

– Ты что тут делаешь, Дом? – спросила сестра.

– Ничего, просто думаю.

Моника вышла из дома – девочка ростом в пять футов два дюйма²¹ с книгой под мышкой. Откинув назад длинные каштановые волосы, она села на плетеный диван и вздохнула:

– Когда папа вернется?

Доминик устроился на стуле напротив нее, чтобы можно

²¹ 157 сантиметров.

было говорить с ней и одновременно смотреть на небо. Вдалеке раздался новый шквал выстрелов.

Моника напряглась, ее карие глаза широко распахнулись.

– Это салют?

– Нет, но ничего страшного, – ответил Дом. – Стреляют далеко отсюда.

Елена подошла к открытой двери. Она кивнула детям, но осталась внутри. Порыв осеннего ветра растрепал ее темные волосы.

Доминик успокаивающе улыбнулся матери.

С тех пор как Роналдо уехал, она казалась... другой. Ссора с мужем в день его отъезда не на шутку потрясла ее. Дом не привык слышать, чтобы его отец кричал, особенно на маму, но угроза апокалипсиса действовала даже на сильнейших.

– Я морпех! Я не могу решать, какие приказы выполнять, а от каких отказываться! – кричал Роналдо, когда Елена отговаривала его от поездки.

Приказы. Долг. Уважение.

Отец научил Доминика всему этому. Но Дом также понимал, почему его мать была против его отъезда. И как бы это ни было эгоистично, он тоже хотел, чтобы отец остался с ними в Лос-Анджелесе. Не потому, что Дом боялся сам заботиться о матери с сестрой, но потому что опасался, что отец не вернется.

Мятежи, теракт в Сан-Франциско, отчаяние простых лю-

дей. Вся страна сходила с ума. Дом привык к насилию в «Октагоне» – более того, он сам его жаждал, – но здесь все было иначе.

Это был не спорт. Не какая-нибудь игра.

Вдали завывали сирены: полиция и аварийные службы отвечали на нарастающий хаос. Звуки насилия теперь не возникали эпизодически – они стали больше похожи на непрерывный шум.

– Хотя бы полиция еще выезжает на вызовы, – заметила Моника.

– Ну да, но сколько это продлится? – шепнула Елена, словно не желая, чтобы дети ее услышали.

Дом, однако, услышал и не мог не согласиться. Военные и полиция проигрывали борьбу. Когда два месяца назад в нее впервые вмешалась Национальная гвардия – еще до того, как ее реорганизовали в АВП, – в Лос-Анджелесе наступило странное спокойствие, и какое-то время Дом сохранял оптимизм.

Школы были еще открыты, а люди, у которых была работа, вернулись к ней. Полиция справлялась, как могла, но у них было слишком мало людей, чтобы сдерживать мятежников и разбойников, которые ухватились за возможность пуститься во все тяжкие.

Все вышло из-под контроля, когда террористы нанесли удар по Сан-Франциско. Корабль, загруженный удобрениями и низкосортными радиоактивными материалами, взо-

рвался у причала ровно в тот момент, когда к нему приблизились военные и представители порта. Правительство до сих пор не выяснило, кто стоял за терактом, но кем бы ни были эти люди, они достигли цели: половина страны затаилась в страхе. Тогда как вторая половина дралась друг с другом за идущие на убыль ресурсы, пока военные – во всяком случае, большинство – старались не вносить вклада во всеобщее насилие.

После атаки в Сан-Франциско сотни тысяч жителей уехали из Лос-Анджелеса, и каждый день продолжали уезжать целыми семьями в так называемые «зеленые», или безопасные, зоны.

Доминик сжал дробовик, чувствуя прилив тревоги и неуверенности. Однажды ему придется применить оружие – это было лишь вопросом времени.

Моника вернулась к своей книге, а Елена зашла обратно в дом, чтобы закончить готовить ужин.

– Что это? – спросил Доминик сестру. – Астрономия?

– Типа того...

Он наклонился, чтобы рассмотреть обложку, но она отстранилась.

– Это фантастика, – сказала она, усмехнувшись.

– О, твоя тайная страсть?

– Я только что закончила читать книгу про SETI²². – Ко-

²² SETI (англ. Search for Extraterrestrial Intelligence – «поиск внеземного разума») – общее название проектов и мероприятий по поиску внеземных цивили-

гда брат ничего не ответил, она добавила: – Про поиск внеземной жизни. Читать про поиски настоящих инопланетян интересно, но иногда мне больше хочется читать про придуманных.

Она перевернула книгу, чтобы показать ему обложку. Там были изображены насекомоподобный инопланетянин и космодесантник в полном обмундировании.

– «Звездный десант»²³, – сказал он с усмешкой. – Это же моя книга!

– Я подумала, ты не будешь против, если я возьму ее на время.

Он снова сел и прислонил дробовик к креслу, все еще улыбаясь сестре. Она общалась уже на уровне студентки колледжа, хотя ей было всего тринадцать. А еще она чересчур много болтала – по его мнению. В первом классе учительнице пришлось отодвинуть ее парту подальше от других детей, потому что она не переставала трепаться.

– Интересно, когда нам разрешат вернуться в школу, – сказал он.

– Мне кажется, ты единственный ученик вашего возраста, который реально по ней скучает.

Она вернулась к чтению. Ей хотелось когда-нибудь стать

заций и возможному вступлению с ними в контакт.

²³ «Starship Troopers» – научно-фантастический роман Роберта Хайнлайна, опубликованный в 1959 году. На русском языке выходил также под названиями «Звездная пехота», «Звездные рейнджеры», «Космический десант», «Солдаты космоса».

астронавтом, и Дом не сомневался, что так оно и будет, если только страна не развалится.

Хотя его сестра была не по годам образованной, она все же была слишком юна и наивна, чтобы понять последствия происходящего в стране. Дом и сам не был уверен, что понимает. Он знал лишь, что дела шли все хуже, и другие страны помогать не собирались.

Канада, Мексика, Европа, большая часть Азии и Африки страдали от череды неурожайных лет. Засухи и наводнения уничтожили пиши на миллиарды долларов, и полмира теперь голодало. Те же страны, которые еще не развалились, были на верном пути к этому.

Доминик закрыл глаза, чтобы помечтать о лучших временах и о простых вещах, по которым скучал. О том времени, когда его семья была счастлива. Когда все они были вместе. О путешествиях на побережье, где они отдыхали на потайных пляжах, о поездках на пирс Санта-Моники, о шоколадных коктейлях и картошке фри, о посещении любимого места Моники – обсерватории Гриффита.

Она много месяцев умоляла брата съездить с ней туда, но это было небезопасно. Нигде в городе теперь не было спокойно. Сердитые крики на улице только подтвердили это.

Злые мужские голоса раздавались в их квартале. Взобравшись по лестнице, прислоненной к забору, Дом увидел на углу двух парней.

– Убирайтесь отсюда! – крикнул Нейт Чавес, сорокалет-

ний продавец машин, живший в трех домах дальше по улице.

Доминик спрыгнул с лестницы.

– Иди в дом, – бросил он Монике.

Он подошел к шторам, закрывавшим окна гостиной, и заглянул в щель между ними.

– Что там? – спросила Елена.

– Пока не знаю. – Изнутри Доминик мог получше рассмотреть парней. У них были красные банданы на шеях, а майки обнажали татуировки.

Точно «Бладс».

Но Нейт был не просто продавцом подержанных автомобилей. Как и многие жители этого района, он еще и служил в армии. Он закатал рукава, показав крепкие мышцы и армейские татуировки.

– Мистер Чавес сейчас сцепится с какими-то бандитами, – сказал Дом.

Елена подошла посмотреть. С собой у нее был «Глок» девятнадцатого калибра, стрелять из которого ее научил Роналдо. Стреляла она неплохо, и Дом не сомневался, что его мама не побоится нажать на курок, если потребуется. Он помнил лишь несколько случаев, когда она теряла контроль над собой, и каждый раз это происходило, когда кто-то обижал Доминика или Моника.

– Нейт сам сможет разобраться, – сказала Елена и, сошурившись, наклонилась ближе к окну.

– Видишь, что там происходит? – спросила она.

Он посмотрел на дом, в котором жили Люсинда Кент с мужем Сэмюэлем – ветераном, потерявшим ногу и часть руки в Афганистане десять лет назад. Два человека украдкой обогнули участок и зашли на задний двор. Оба были в красных бейсболках.

– Вот черт, – сказал Дом. – Нужно предупредить Кентов. Елена положила руку ему на предплечье.

– Мам, я должен их предупредить.

– Нет, оставайся здесь, – отрезала она, вцепившись в него.

– И бросить их? Мам, мы должны что-то сделать. Давай хотя бы поговорим с Нейтом.

Он отпер три замка на двери и снова вышел на теплый вечерний воздух. Нейт по-прежнему стоял перед своим домом, скрестив руки на груди. Он наблюдал за тем, как двое парней с банданами зашли за угол и исчезли из виду.

– Все в порядке, мистер Чавес? – спросил Дом.

Нейт кивнул и подошел к нему. Елена вышла на крыльцо.

– Тебе стоит быть с этим аккуратнее, малец, – сказал он, глядя на дробовик.

– Я видел, как какие-то парни ошиваются у дома миссис Кент, – сказал Дом. – Они похожи на «Бладс».

– Черт, стоит проверить, что там. – Нейт вытащил пистолет из скрытой кобуры на пояснице.

– Я тоже пойду, – заявил Дом.

– Нет, не пойдешь, – возразила Елена.

– Слушай свою маму, – поддержал Нейт. – Я сам.

И, перейдя улицу, обогнул дом слева. Доминик напряженно наблюдал за ним, сжимая дробовик потными ладонями.

Прогремел выстрел, и Дом сорвался с места, не обращая внимания на мать, кричавшую ему вслед. Он обежал гараж и остановился у забора.

На заднем дворе был пустой бассейн, валялась сломанная уличная мебель и ржавый гриль – напоминание о барбекю и вечеринках у бассейна в лучшие времена.

Он открыл ворота в тот момент, когда из задней двери выскочили двое татуированных чужаков. Один нес деревянный ящик, у второго был рюкзак.

Уже почти стемнело, но, быстро заглянув в стеклянную дверь, Дом подтвердил свои опасения: они только что ограбили Люсинду и Самуэля, который лежал на ковре перед инвалидным креслом.

– Стоять! – крикнул им Доминик. Он вскинул дробовик и шагнул вперед, держа грабителей под прицелом. Те бросились в переулочек. Один из них, услышав крик, сбавил темп, но лишь затем, чтобы вынуть пистолет.

Дом прицелился ему в голову, положил палец на спусковой крючок и застыл на месте.

Но его цель не мешкала.

Вдруг кто-то врезался в Дома и повалил его на землю. В ту же секунду прогремел выстрел. Доминик тяжело рухнул на бетон, перед глазами вспыхнули звезды.

Тяжесть исчезла, и он, перекатившись, увидел Нейта на

коленях – тот палил из пистолета. Он сбил Доминика с ног, спас от выстрела, который наверняка убил бы его в тот миг, когда он колебался.

Нейт выпустил еще несколько пуль. Грабители прыгнули в кузов пикапа, одного при этом ранило в предплечье. Пассажир на переднем сиденье был одним из тех, кто до этого стоял на обочине – для отвлечения внимания, понял Дом.

– Не вставай! – крикнул Нейт, когда Доминик попытался подняться. Он держал «Беретту М9» нацеленной на переулок.

Машина тронулась с места, и Нейт наконец опустил пистолет и помог Доминику встать.

– Господи Иисусе, – прорычал он. – Из-за тебя нас обоих чуть не убили.

– Я хотел помочь.

– Я бы сам с ними справился. – Покачав головой, Нейт оглядел Доминика. – Ты уверен, что цел?

– Цел, – ответил Дом.

Пострадало лишь его самолюбие. Он должен был выстрелить, когда получил шанс убрать этот мусор с городских улиц. Вместо этого его перемкнуло, и он едва не погиб. Теперь шайка бандитов вернется на улицы и будет вольна грабить и убивать дальше.

Нейт с Домом зашли к Кентам и обнаружили Самуэля лежащим перед своим креслом. Он держался за окровавленное лицо. Люсинда пыталась помочь ему встать, но он только от-

махивался.

– Ты ранен, брат? – спросил Нейт. Они с Домом помогли Самуэлю подняться с пола и осторожно усадили его в инвалидное кресло.

– Десять лет назад я бы их рожи об асфальт стер, – проворчал Самуэль. – Шпана траханая.

Люсинда вытерла слезы.

– А тебя ранили? – спросил Нейт.

– Нет, но они забрали все драгоценности, даже мое обручальное кольцо. – Она посмотрела покрасневшими глазами на Дома. – Надо было тебе стрелять, сынок.

– Я... Простите, миссис Кент.

Нейт положил руку Доминику на плечо.

– Самое главное, что все в порядке. Драгоценности можно купить, а жизнь – нет.

– Он прав, – сказал Самуэль. – Большинство ребят сбежало бы, а ты остался. Тебе следует этим гордиться. А теперь иди домой, пока твоя мама не разволновалась.

Нейт крепче сжал плечо Дома.

– Да, все хорошо, возвращайся к себе.

Доминик помедлил секунду и еще раз извинился. На пути к выходу он увидел пустую кухню. Там не было видно ни коробки хлопьев, ни банки супа.

Дом поспешил к матери. Ее гнев на миг унялся, и она крепко обняла сына. Но потом снова принялась кричать:

– Никогда, никогда больше так не делай, Доминик Томас

Сальваторе! Ты меня слышишь?

– Да, мам, прости...

– Что, если бы кто-нибудь проник в наш дом, пока тебя не было, и напал на твою сестру?

– Но, мам, Кенты...

– Твой отец сказал тебе оставаться здесь и присматривать за сестрой. И за мной, – продолжила она, постепенно смягчаясь.

Моника подбежала и обняла его.

– Ну мам, хватит уже, – сказала она. – Пора праздновать!

Елена вытерла глаза и посмотрела на стол. Они с Моникой поставили на него поднос кексов, в один из которых была воткнута свеча.

– Не такой уж праздничный стол, но это все, что я смогла сделать в этом году, – сказала она, всхлипнув. – С днем рождения, Доминик!

У него совершенно вылетело из головы, что сегодня был его восемнадцатый день рождения.

– Ого, ничего себе, – проговорил он.

– Ты что, не помнишь, какой сегодня день? – спросила Елена.

– Забыл напрочь, – признался он.

Их отвлек стук в дверь, и Дом подошел к окну, чтобы выглянуть на крыльцо. Увидев своего лучшего друга Андре «Лося» Кларка, и Камиллу Сантьяго, он прислонил дробовик к стене и открыл дверь.

– Эй, ребята, что вы тут делаете? – спросил Дом.

Лось ввалился в проем, слегка пригнувшись, чтобы при-
ческа не пострадала от низкой притолоки.

– Ты же не думал, что я пропущу твой день рождения, а? –
Лось подмигнул Елене, которая довольно улыбалась.

– Здравствуйте, миссис Сальваторе, – вежливо поздоровалась Камилла.

– Рада видеть вас обоих, – сказала Елена, возвращаясь в кухню. – Чувствуйте себя как дома.

Моника шагнула вперед и вопросительно посмотрела на Камиллу:

– Ты девушка моего брата?

– Моника, иди читай свою книжку, – пробормотал Дом.

Камилла усмехнулась:

– Нет, я определенно не его девушка.

Лось вытащил конверт из кармана ветровки и протянул Дому.

– Что это? – спросил Дом.

– А ты открой.

Дом знал, что Лось не был склонен дарить поздравительные открытки, поэтому не удивился, поняв, что там нечто иное. Но содержимое конверта тем не менее его удивило. Он вынул брошюру с эмблемой полиции Лос-Анджелеса.

– Теперь тебе восемнадцать, и ты можешь вступить, – сказал Лось. – Может, мы даже станем напарниками. И ты тоже давай, Кам.

Дом изучающе посмотрел на друга, ища в его лице хоть какой-то намек на шутку.

– Я пойду на следующей неделе, – сообщил Лось. – Знаю, звучит безумно, чувак, но мне уже не стать ни актером, ни футболистом.

– Я тоже подумываю вступить в полицию, – призналась Камилла. – У нас теперь не такой уж большой выбор.

Елена принесла ужин. Ее взгляд упал на брошюру, но она не сказала ни слова. Лишь поставила еду и вытерла глаза.

– Вы в порядке, миссис Сальваторе? – спросил Лось.

– Ага, – ответила Елена. – У нас просто случилось небольшое происшествие перед вашим приходом.

– Что случилось? – спросила Камилла, насторожившись.

Увидев, как пристально друзья смотрят на него, Дом не мог просто отмахнуться и был вынужден рассказать им о грабителях.

– Еще одна причина стать полицейским, детка, – проговорил Лось, хлопнув Доминика по плечу. – Мы нужны городу, чувак. Даже мой брат решился.

– Рей? – Дом снова всмотрелся в лицо Лося, ожидая увидеть, что это шутка. Его брат всегда ненавидел копов.

Камилла выглядела такой же удивленной.

– Ага, конечно, твой брат – коп, ну да, ну да. – Она фыркнула.

– Я серьезно, – заверил Лось.

– Как насчет ужина? – предложила Елена, пытаясь сме-

нить тему разговора.

– Выглядит аппетитно, – сказала Камилла, голодно улыбаясь.

Они сидели за столом, наслаждаясь ригатони с соусом пармезан – одним из любимых блюд Доминика.

За ужином все старались избегать темы переполоха на другой стороне улицы, но под конец все понемногу расслабились. Когда тарелки были убраны, Елена зажгла свечу, которую Моника воткнула в один из кексов.

– Спасибо, мам, – сказал Дом.

– Загадай желание.

Дом посмотрел на огонь и задул его, пожелав себе мужества в следующий раз, когда будет целиться в того, кто захочет его убить.

Его родные и двое лучших друзей пропели «С днем рождения тебя», и Дом прикончил кекс в два приема.

– Возьми еще, – предложила Елена.

Дом взял тарелку.

– Знаешь, я думаю отнести их Кентам.

– Это было бы очень мило с твоей стороны, – согласилась

Елена.

Лось с Камиллой попрощались и вышли с Домом на улицу.

– Тебя правда чуть не застрелили? – спросила Камилла.

Дом кивнул, не упомянув о своей секундной нерешительности.

– Может, побросаем мяч в корзину, после того как отнесем кексы? – предложил он, меняя тему.

– Я пас, – отказалась Камилла.

– А я... – Лось остановился и прислушался к вою сирен. – Боже, дела идут все хуже. Нам нужно что-то с этим делать, ребята.

Дом молча шел к дому Кентов.

Когда они оказались перед дверью, он постучал и протянул кексы Люсинде.

– У нас тут немного осталось, – сказал он. – Я подумал, может, вы захотите...

На ее изможденном лице мелькнула улыбка.

– Спасибо, Доминик. Прости, что разозлилась сегодня. Просто...

Изнутри донесся шум.

Это был Самуэль, он катился по проходу к двери.

– Нас тут угостили, – сказала Люсинда.

– Как ваша голова? – спросил Дом.

– Скорее, посмотри на это! – воскликнул Самуэль, не обращая внимания на ребят. Он развернул коляску и вернулся в гостиную.

– Простите, ему сильно досталось, – извинилась Люсинда. – Заходите.

Доминик с друзьями прошли за ней в гостиную.

Самуэль отвел взгляд от телевизора.

– Видите? – спросил он, вытаращив глаза. – Еще одна ата-

ка. Теперь уже на АЭС.

Трое подростков сгрудились вокруг и стали смотреть репортаж.

– Срань господня! – проворчал Лось, когда свет замерцал и отключился. Вместе с телевизором.

Доминик подошел к разбитой стеклянной двери на задний двор и увидел, что свет гаснет по всему городу. День рождения выдался незабываемым.

– Это последние, – сказал Винни.

Он закрыл фургон и хлопнул Добермана по спине.

– Поверить не могу, что твой дядя хочет, чтобы мы продали их оптом, – сказал Доберман. – Мы бы куда больше заработали, если бы толкнули их своим людям, как обычно.

– У него наверняка есть причины, – сказал Винни.

– Думаю, ему нужна наличка.

– Как и всем в стране. – Винни вышел, чтобы проверить ряд красных пятигаллоновых канистр с бензином. Их осталось всего десять. Может, поэтому им так нужна была наличка.

Но, несмотря на незавидное положение, дон Антонио казался непоколебимым. Он дал им безопасность, здесь в Лос-Анджелесе, и заботился с тех пор, как они покинули Неаполь.

Раздалось эхо шагов, и в гараж, качая головой, вошел Желтохвост.

– Сегодня мне выпала честь быть нянькой вам, малыши, – объявил он, снимая с плеча новенький автомат М4 и подходя к шкафчикам.

Винни с Доберманом переглянулись.

– На что уставились, а? – усмехнулся Желтохвост. – Хватайте пушки.

Винни замер, недоумевая. Обычно они ездили на сделки сами и только с одной пушкой, которая лежала в бардачке.

– Шевелитесь, говнюки, – поторопил Желтохвост.

– Остынь, чувак, – сказал Винни, привыкший к ругани старших. Пока он не дал клятву и не стал посвященным клана Моретти, остальные могли называть его как угодно.

– А ты почему с нами? – спросил Винни.

– Потому что мы еще кое-куда заедем, и мне нужен фургон, вот почему.

Винни взял «Ругер SR9» и сунул пистолет в кобуру под эластичным ремнем синих спортивных штанов. Доберман зарядил несколько патронов в свой обрез и дослал один в патронник.

Все вместе направились к фургону.

– У кого ключи? – спросил Желтохвост.

Доберман бросил ему ключи.

Дверь гаража открылась.

Кристофер въехал в гараж на старом мерседесе и выбрался оттуда с тремя разодетыми итальянцами. Это были жилистый и подтянутый Лино с бритой головой и в дорогих солнцезащитных очках; покрытый боевыми шрамами Кармин с прилизанными волосами и Фрэнки с длинной темной шевелюрой и пожеванной спичкой во рту.

– У кого-нибудь есть «Ред Булл» или хотя бы «Адвил»²⁴? –

²⁴ Лекарственный препарат, оказывающий противовоспалительное, анальгезирующее и жаропонижающее действие.

спросил Доберман. – После ночи, что нам с Вином выдалась, мне и то и другое не помешало бы.

– У тебя что, голова разболелась от конференции по сосанию члена? – спросил Кармин и, сверкнув желтозубой ухмылкой, сплюнул табачную жвачку в сливное отверстие в полу.

– Это не у меня что-то белое на губе, – сказал Винни.

Кармин поднес палец к изувеченной губе, и все прыснули со смеху.

– Подловил тебя, старик, – рассмеялся Винни.

Даже Фрэнки усмехнулся, что было редким для него проявлением эмоций. И отошел вместе с остальными, перешучиваясь и болтая.

Но Кристофер задержался. Он подошел к Винни и предупредил:

– Будь осторожен. Все совсем плохо.

– Буду.

– Не волнуйся, я присмотрю за малышами, – сказал Желтохвост.

– И делай все, как велит Закари, – приказал Кристофер.

«Эскалейд» Моретти припарковался на подъездной дорожке, и из него вышли Антонио, молчаливый Рафф и какой-то громила, которого Винни никогда раньше не видел.

Кристофер с остальными вытянулись по струнке при приближении дона Антонио.

– Эй, Вин, хочу тебя кое с кем познакомить, – сказал он. –

Это твой братишка Вито.

Увалень выглядел великоватым для «братишки».

– Троюродный, – прохрипел Вито. Он был крупным, не меньше двухсот пятидесяти фунтов²⁵, с длинными волосами и большим родимым пятном на правой ноздре.

На Винни нахлынули детские воспоминания.

– Вито, рад тебя... Господи, я тебя с детства не видел!

– Я был в Южной Америке кое с кем из наших родственников, – сказал Вито и похлопал себя по животу. – Там отличная кухня!

Все рассмеялись, даже Рафф.

– Там хоть что-нибудь осталось? – спросил Кристофер.

Лицо Вито расплылось в ухмылке, но дружелюбной она не выглядела, и Винни вспомнил истории о своем троюродном брате. Как и Кармин с Фрэнки, Вито был вспыльчив, особенно когда напивался.

– Рад наконец к вам здесь присоединиться, – сказал Вито. – И рад тебя видеть, Вин.

Все приехавшие ушли с доном Антонио в кабинет.

– До встречи, сосунки! – крикнул Кармин Винни и Доберману.

Винни, качая головой, подошел к фургону. Его тошнило от потока ругани со стороны старших и от того, что ему приходилось постоянно быть на побегушках, делать грязную работу. Ему хотелось заниматься наркобизнесом, и по-крупно-

²⁵ Не меньше ста тринадцати килограммов.

му, что бы это на самом деле ни значило.

Он забрался в фургон и сел рядом с вешалками для одежды, а Доберман устроился впереди. Желтохвост выехал из гаража и включил музыку.

– Ненавижу американский музон, – сказал Доберман и достал телефон. – Давай подключим его. Я поставлю настоящую музыку.

– Не, не поставишь, – отрезал Желтохвост и включил гангста-рэп, который Винни слушал в детстве.

– «Калифорнийская любовь»²⁶ – вот что мне сейчас нужно, – пояснил Желтохвост. – Вы-то еще девственники или ваши вишенки уже лопнули?

Винни рассмеялся.

– Ну же, у тебя была уже куколка, Вин? – Желтохвост взглянул в зеркало заднего вида на Винни, а потом покосился на Добермана. – Про твоих-то шлюх мы знаем.

– Тебе правда не стоит учить английский по этим песням, – огрызнулся Доберман.

Желтохвост ухмыльнулся:

– Ну, надо же как-то учиться, разве нет?

– Если не хочешь разозлить дону Антонио, – ответил Винни.

²⁶ «California Love» – первый сингл альбома «All Eyez on Me» Тупака Шакура. Выпущен 28 декабря 1995 года. Записан совместно с Dr. Dre и Roger Troutman. Сингл был записан в знак возвращения Тупака Шакура из тюрьмы. Сингл продержался на вершине чарта Billboard Hot 100 две недели и был номинирован на многие награды «Грэмми».

Дядя требовал, чтобы его люди учили английский, но у некоторых до сих пор с этим были трудности. Винни и Доберман, напротив, по-английски говорили бегло, потому что учились в американских школах.

Поездка на север Лонг-Бич напомнила Винни, как хорошо здесь было, когда они сюда только перебрались. Даже при рушащейся экономике он все равно любил Лос-Анджелес – с его барами, музыкой и девочками.

Винни усмехнулся, когда они промчались мимо группы девушек на углу парка. Все они были в шортах, открывающих загорелые ноги, и укороченных топах, не скрывающих ложбинок между приподнятых грудей.

Он не любил, когда женщины показывали слишком много, и это отвращало его от стрип-клубов. Ему нравилось удивляться, когда доходило до дела – как прошлой ночью, когда ему наконец перепало с Кармен – девушкой, за которой он ухаживал целый год.

Бурные воспоминания готовы были нахлынуть, но он отогнал их, сосредоточившись на грядущей опасности. Преступники выскакивали из-за деревьев, как тараканы в темноте.

Повсюду были полиция и военные, которые пытались обуздать насилие, но они едва поспевали.

– Сюда, – указал Доберман.

Они свернули с шоссе и подъехали к стоянке для грузовиков напротив огороженного складского помещения.

– Прямо здесь? – спросил Желтохвост.

Доберман кивнул:

– Здесь мы обычно встречаемся с Чинариком.

– Чинарик! Что за тупое прозвище, – сказал Желтохвост.

– А мне нравится больше, чем Желтохвост, – ответил Доберман. – Непонятно же, то ли рыба, то ли заморыш белобрысый.

Желтохвост сверкнул на него глазами.

– Прости, – извинился Доберман.

Но ухмылка Желтохвоста говорила о том, что шутка ему понравилась.

– Но лучше не называй меня больше белобрысым заморышем, не то шею тебе сломаю, сучонок, – пригрозил Желтохвост.

На стоянку въехал фиолетовый кадиллак с двадцатидюймовыми дисками.

Басы в салоне грохотали так, что машину потряхивало.

Винни подумал, что это была проблема всех гангстеров Лос-Анджелеса. Они словно сами хотели быть пойманными. Ему нравился подход дяди, который всегда держался так, словно был под колпаком. Никаких броских машин, никаких шикарных особняков.

Хотя, возможно, все изменится, когда они смогут это себе позволить. Он вспомнил их поместье в Неаполе. И тут же всплыли воспоминания о матери.

Не будь размазней, Вин. Ты здесь по делу.

Чинарик опустил стекло, выпустив облачко вонючего дыма, и махнул рукой, чтобы следовали за ним. Они вернулись в фургон и пересекли улицу, оказавшись на участке, заваленном грузовыми контейнерами. Винни не слишком беспокоился. Чинарик был говнюком, но он вел бизнес, и ему светила чертовски выгодная сделка.

Они въехали на огороженный участок, и там их поджидало четверо парней-афроамериканцев. У всех штаны свисали с задниц, а на головах были красные банданы или бейсбольные кепки. «Бладс».

– Притормози, – сказал Винни.

Желтохвост сбросил скорость.

– Поверить не могу, что дон Антонио заставляет нас вести дела с этими долбаными *cazzi*²⁷.

– Чинарик не так уж плох, – возразил Винни. – Но тут что-то неладно.

Доберман потянулся к обрезу.

– Оставайтесь здесь и прикройте меня, – сказал Винни.

– Ты чего, бро? – изумился Доберман, развернувшись на сиденье.

– Просто делай что говорю.

Винни открыл дверь фургона и выскочил под горячее утреннее солнце. Он опустил очки на глаза и зашагал вперед.

– Как сам, Чинарик? – поприветствовал он.

Дверь кадиллака открылась, и Чинарик вышел, щелчком

²⁷ Членами (итал.).

отбросив окурок косяка.

– Как сам, Вин, чувачок? – Он поднял мускулистые руки и ухмыльнулся, сверкнув золотой оправой очков-авиаторов от «Армани».

Они хлопнули друг друга по рукам, пожали их и стукнулись кулаками.

– Йоу, а че с твоими парнями? – спросил Чинарик, приподнимая очки, чтобы посмотреть на фургон.

– Альбиносы, чувак, – ответил Винни. – Не любят солнце. Я сказал им сидеть там.

Чинарик хихикнул:

– А я думал, вы, сицилийцы, солнце любите.

– Мы не сицилийцы, бро. Мы с юга Италии. Это большая разница.

– Я все равно не вкупаю этой итальянской гангста-шняги, чувачок, – признался Чинарик. – Тут она не вкатывает, се-чешь?

Нет, не секу.

– Мы типа хотим вернуться.

Золотая ухмылка Чинарика стала шире.

– Продав мне кучу барахлишка со скидоном? Ну лады, чувачок.

– Так мы приступим или будем все утро трепаться?

– Мои ребята привезли наличку, – сообщил Чинарик. – Они ее отдадут, как только мы получим прекрасную итальянскую одежду, которую вы, макаронники, привезли.

– Макаронники? – переспросил голос.

Винни услышал, как хлопнула дверь фургона, и поморщился.

Желтохвост шагал к ним с видом быка, готового броситься в атаку. На его квадратной груди болтались четки с золотым крестом.

– А это кто типа, нахрен? – спросил Чинарик, усмехнулся и покачал головой. – Ты похож на итальянского Картмана²⁸.

Остальное четверо «Бладс» расхохотались.

Винни практически приготовился к тому, что Желтохвост вскинет ствол и тут же всех перестреляет, но ему удалось сдержаться.

– Смешно, – признал Желтохвост. – Но если я похож на Картмана, то ты сойдешь за мистера Хенки – рождественскую какашку.

«Зашибись, нахрен», – подумал Винни и, вскинув руки, встал между ними, как только Чинарик раздул ноздри.

– Мы тут все друзья, – сказал Винни. – Нечего яйцами биться. Это бизнес, ничего больше.

Чинарик с Желтохвостом сердито переглянулись поверх плеч Винни.

– Не забывайте про АВП и копов, парни, – сказал Винни. – Они везде. И чем быстрее мы тут закончим, тем будет лучше.

Оба, казалось, услышали. Логика взяла верх, и они отступили.

²⁸ Персонаж мультсериала «Южный парк».

– Обменяемся одновременно, – сказал Желтохвост. –
Принеси деньги, и мы откроем фургон.

Чинарик жестом подозвал своих людей.

Через десять минут Винни, вздохнув с облегчением, протянул руку.

– С тобой приятно иметь дело, братишка, – сказал Винни.

– С тобой тоже, чувачок. Но в следующий раз оставь Картмана в Южном парке.

Желтохвост уже сидел за рулем фургона и следил за ними обоими.

Винни едва сдержал смешок.

– Продолжай уворачиваться от пуль, чувак, – сказал он.

– Я не уворачиваюсь, я танцую, – отозвался Чинарик, изобразив «криповскую» походку²⁹.

Винни забрался в машину, и они выехали с участка, не сводя глаз с бандитов.

– Не нравится он мне, – заявил Желтохвост.

– Я бы сказал, что ваши чувства взаимны, – отозвался Винни.

Он расслабился и улыбнулся, когда Доберман подключил телефон к магнитоле и в салоне раздался голос Андреа Бочелли³⁰.

Желтохвост поморщился:

²⁹ * Уличный танец, зародившийся в среде калифорнийской банды «Крипс».

³⁰ Андреа Бочелли (р. 1958) – итальянский певец, исполнитель классической и популярной музыки. Популяризатор оперной музыки.

– Сейчас блевану от этого дерьма.

– А меня тошнит от твоего гангста-рэпа, – сказал Доберман.

Желтохвост потянулся и выключил звук.

– Не доставай меня, малец.

Доберман надулся, и Винни отвернулся к окну, уставший от нервозности этого, как предполагалось, легкого дня.

Они ехали по городу еще час, плетясь в пробках. Из-за протестов и беспорядков часть шоссе была перекрыта, и пришлось сделать крюк, чтобы добраться до Лонг-Бич.

Винни отодвинул занавеску и выглянул наружу. Тротуары были забиты людьми. Это было непривычное зрелище, но общественный транспорт почти не работал, а позволить себе бензин половина города не могла, поэтому этого следовало ожидать.

– Так, приехали, – сказал Желтохвост.

– Какого черта мы делаем перед школой? – спросил Доберман. – Они должны быть закрыты все лето.

– Только не эта, – сказал Желтохвост. – Это Христианская средняя школа Уолли, и здесь идут летние занятия, поэтому мы и здесь.

– Э-э, зачем? – спросил Винни.

– Увидишь.

Из парадных дверей высыпала группа учеников. Ребята побежали к дорогим машинам, поджидавшим их.

– Недурно, наверное, – сказал Доберман. – Они тут такие

богатые, что им не о чем переживать.

– Кое-кому есть. – Желтохвост взял свой телефон, открыл профиль девушки на «Фейсбуке» и показал его Винни. – Дон Антонио хочет, чтобы мы нашли ее и выкрали как можно скорее. Так что в ближайшие несколько дней я буду контролировать вас, чтобы вы не облажались.

Винни не чурался наркотиков, краденых вещей, насилия, но выкрасть школьницу?

Он посмотрел сначала на фото, потом на имя.

– Карли Сарконе, – прочел он.

– Ну? – поторопил Желтохвост. – Вы в деле или как?

Винни сглотнул комок в горле.

– Ага, чувак, мы в деле.

«Идеальный шторм»³¹, – подумалось Роналдо. Так специалисты назвали ураган, который приближался к Среднему Западу. И эта сверхопасность была не просто набухшими грозowymi тучами. Еще в ней были радиоактивные изотопы, попавшие в атмосферу с поврежденной атомной электростанции в Пало-Верде, Аризона.

Роналдо сидел в кузове закрытого грузовика-платформы с

³¹ Perfect storm (англ.) – фразеологизм, означающий ситуацию, возникшую из-за суммы неблагоприятных факторов, в результате чего их общий негативный эффект существенно возрастает.

половиной своего взвода, ехавшего в Финикс. Недавно сойдя с С-130³², он думал, что им повезло оставить позади эту чертову клоаку, в которую превратилась Атланта, но вместо нее они очутились в месте похуже.

Террористам удалось проникнуть на АЭС в Пало-Верде и установить бомбы в центральных реакторах, пробить защитные оболочки и запустить цепную реакцию. Но Роналдо тревожили не только радиоактивные выбросы.

Отключение электроэнергии означало, что густонаселенный юг Аризоны и юг Калифорнии, включая Лос-Анджелес, погрузились во тьму, отчего нестабильное положение в этих районах стало еще хуже.

Роналдо не мог не задаваться вопросом: была ли целью именно Калифорния? Сначала атака на Сан-Франциско, теперь АЭС, снабжавшая энергией Лос-Анджелес. Единственное, что спасало – разговор с Еленой перед отъездом из Атланты. Она была в безопасности, и дети были в порядке. Но она вышла из себя, когда он сказал, что едет в Аризону.

Он не бывал в Аризоне и никогда к этому не стремился: Ирак так опалил его зноем, что хватило бы на всю оставшуюся жизнь. И уж точно ему не хотелось быть здесь теперь. Однако им дали новые приказы, и взвод Роналдо вылетел рейсом до передовой оперативной базы в Атланте. Четыре часа назад самолет приземлился на новой базе в сотне миль от эпицентра.

³² «Локхид С-130 Геркулес» – американский военно-транспортный самолет.

Роналдо глубоко вздохнул, понимая, как ему повезло сохранить шевроны. После выстрела в солдата АВП, палившего из вертолета в Атланте, ему грозил почти неизбежный трибунал, возможно даже с увольнением без привилегий, и тюрьма.

Страна катилась навстречу второй гражданской войне – между федеральным правительством и штатами, которые хотели отделиться и организовать самоуправление.

Губернатор Калифорнии Джим Макги отказался переводить Национальную гвардию в ведение АВП, и по стране поползли слухи. Один из заслуживающих доверия источников заявил, что президент Коулман готовился отправить в эти штаты дополнительный контингент АВП и арестовать губернаторов, которые отказывались подчиняться.

Рассказывали, что солдат расстреливали за дезертирство или сажали в тюрьму даже за самые незначительные проступки. Страна рушилась. Роналдо же просто пытался выполнить свой долг, остаться в живых и вернуться домой к семье.

К счастью, лейтенант Касл поддержал Роналдо, напомнив о его безупречной репутации и о «Пурпурном сердце»³³ за Афганистан, когда полковник АВП рвался поджарить Роналдо на вертеле за пулю в их стрелка-убийцу.

– Если хотите знать мое мнение, вы судите не того человека, – заявил Касл. – Тот, кто стоит справа от меня, – герой.

³³ Военная медаль США.

Тогда как ваш человек убил десятки невинных граждан. Когда он выйдет из госпиталя, его и нужно будет отдать под суд.

Полковник сказал, что будет настаивать на трибунале, но Касл ответил, что обратится с такой же просьбой к руководству Корпуса морской пехоты, чтобы стрелка АВП осудили по тридцати пунктам обвинения за убийство второй степени.

– Думаю, им будет не до того, пока ситуация в стране не улучшится, – сказал Касл, когда они выходили из кабинета полковника. – А это произойдет чертовски нескоро.

«Если вообще произойдет», – подумал Роналдо, когда грузовик подпрыгнул на очередном ухабе.

Дюжина морпехов рядом с ним изнемогала от жары в камуфляжных костюмах химзащиты. Роналдо не видел их лиц за щитками, но был уверен: они так же угрюмы, как и его.

В Пэррис-Айленде почти двадцать лет назад, когда он был рядовым пехотинцем, Роналдо показывали фотографии ожогов от радиации, но ничто не могло подготовить его к тому, что он увидел, когда они прибыли в Финикс. Сообщения о пострадавших с лучевой болезнью были включены в их ориентировку еще в самолете. Согласно радиационной карте, все в радиусе десяти миль от АЭС уже считалось мертвой зоной.

Слава богу, взвод морпехов туда не послали. Это была работа для специалистов.

Затрещала рация, послышался голос лейтенанта Касла:

– Итак, девочки, до Финикса осталось тридцать миль.

Проверьте свою экипировку и экипировку соседа. Дважды. В районе до сих пор остается более полутора миллионов человек, и наша задача – помочь им выбраться, пока не стало слишком поздно.

Маркс и Роналдо начали проверять друг друга, а лейтенант продолжал говорить. Его голос казался сорванным – звучал хрипло, как у заядлого курильщика. Отчасти это было следствием того, как он орал на мятежников в Атланте.

– Дерьмо вас ждет малоприятное, – продолжал Касл. – Как вы знаете, эти взрывы в активной зоне АЭС высвободили значительное количество радиоактивного материала и переносимых по воздуху изотопов. Большая часть населения в радиусе двадцати миль от станции получит острый лучевой синдром, так что держитесь. У нас есть задача, морпехи, и я надеюсь, что вы справитесь с ней достойно.

Они закончили с проверкой экипировки. Никто, вопреки обыкновению, не пытался шутить. Все были предельно собраны. На кону стояли жизни невинных американцев.

Роналдо заметил рядом с их грузовиком командирский «Хамви». Касл в защитном костюме сидел рядом с водителем.

Бойцы уважали своего лейтенанта. Он был умным и смелым морпехом и не раз спасал их взвод, быстро принимая решения в чрезвычайных ситуациях. Роналдо был обязан ему парой жизней.

– Почему мы до сих пор не знаем, кто творит это дерь-

мо? – спросил Зубчик, проверяя экипировку Беттиса. – Скажет мне кто-нибудь, как при всех этих атаках мы до сих пор не поймали ни одного террориста?

– Остынь, – вмешался младший капрал, которого все звали Тимми. – У них есть завербованные люди. Это государство в государстве, парень. Понимаешь? Кто может проникнуть на электростанцию, установить взрывчатку и уйти?

– А откуда мы знаем, что это они? – спросил Беттис.

– Я, может, и не гожусь для доски почета, – проворчал Зубчик, – но я не верю во все эти теории заговора. Может, что-то из этого и правда, но как по мне, это скорее Аль-Каида или ИГИЛ.

– Может быть, – согласился Маркс, – но они обычно не стесняются брать на себя ответственность. А сейчас – никаких заявлений.

– Ну, кто бы это ни был, больше они АЭС не взорвут, – сказал Роналдо. – Их закрыли, все до одной.

– Вы просто не понимаете. – Маркс устало покачал головой.

– Чего мы не понимаем, сержант? – спросил Тимми.

– Им больше не нужно взрывать АЭС. Вы же видели карту. Слышали, что нам сказали: облака разносят радиацию.

Все повернулись к Марксу.

– Пало-Верде – самая большая атомная электростанция в стране. Осадки отравят остатки урожая на Среднем Западе. Все, что переживет засуху. Это добьет нашу экономику.

Остальные морпехи молча задумались над его словами. Это была не просто болтовня о «глубинном государстве» и исламистских террористах, которая взвинчивала всем нервы. Не унимались и слухи о северокорейских или русских шпионах. Некоторые даже полагали, что к терактам причастен один из мексиканских картелей.

Незнание только подпитывало гнев и паранойю. Страх держал страну на коротком поводке. Свежесозданным АВП и другим войскам теперь противостояли не только мятежники. Банды, преступные кланы и картели подминали под себя города вроде Лос-Анджелеса, где жила семья Роналдо.

Грузовик остановился, и Роналдо еще раз проверил снаряжение. Морпехи спрыгнули с платформы на десятую межштатную автомагистраль. Они находились на окраине Финикса, откуда открывался вид на центр города и клубящийся столб дыма над руинами электростанции.

– Срань господня, – выдохнул Маркс.

Взвод построился. Полосы шоссе в западном направлении были пусты, а на восток тянулась непрерывная вереница машин, пытающихся выбраться из мертвой зоны.

Морпехи подошли к первому блокпосту, где солдаты АВП в защитных костюмах уже поставили бетонные заграждения и ворота. Один из них обратился к лейтенанту Каслу, сказав, что въезд уже перекрыт и им нужно помочь выбраться людям из дома престарелых в двух милях отсюда.

Касл кивнул и вернулся к своим людям, чтобы распреде-

лить задания.

– Штаб-сержант Маркс, ваша группа идет со мной, кроме капрала Беттиса – он остается здесь, – объявил он.

Через несколько минут Роналдо уже сидел в командирском «Хамви», который направлялся в мертвую зону.

– Мы ищем пожилых людей и всех, кто не смог выбраться за последние двадцать четыре часа, – сказал Касл. – Любой в этом районе будет болен к моменту, когда мы его найдем, но все же возможно, нам удастся кого-то спасти, оказав медпомощь.

– А как же люди в мертвой зоне? – спросил Маркс.

Касл покачал головой:

– Все, кто остался там, умрут, и мы им ничем не сможем помочь.

Зубчик вел командирский «Хамви» по брошенным улицам навстречу столбу дыма на горизонте. Невидимые изотопы продолжали беспрепятственно распространяться по воздуху.

За ними в жилой район ехали еще один «Хамви» и грузовик-платформа. Вдоль дороги вихрями летал мусор. Они ехали молча, слушая лишь завывающий радиоактивный ветер.

На подъездной дорожке валялся небольшой чемодан, его содержимое вывалилось на бетон. Роналдо представил, как семья выбегает из дома и ребенок спотыкается, роняя поклажу. Он и сам сказал бы детям бросить все и не тратить время

на то, чтобы собирать рассыпавшиеся вещи.

Свист ветра заглушил низкий гул истребителей. Через пару секунд эскадрилья истребителей F-16 пронеслась на восток.

Грохот затих, и улица понемногу оживала. Зубчик сбросил скорость, чтобы не навредить перебежавшему дорогу золотистому ретриверу. Пес остановился, поджав хвост, а потом забежал во двор.

– Стой, – приказал Касл.

– Сэр? – переспросил Зубчик.

– Я сказал: стой.

– Но, сэр, это просто собака.

– Хрена с два это просто собака, – сказал Касл. – Это чей-то член семьи. – Он выбрался из «Хамви», когда тот еще не успел остановиться. Роналдо тоже вышел, закинув винтовку за спину. Пес стоял во дворе, поглядывая поочередно на них обоих.

– Сэр, мы здесь, чтобы спасти людей, а не животных, – поторопил Зубчик из машины.

– У тебя, наверное, в жизни не было собаки, младший капрал Сухарь, – ответил Касл. – Так что заткнись.

Роналдо улыбнулся. Ему нравилось, что у Касла при всей его крутизне было доброе сердце.

Пока они ловили собаку, остальная колонна обогнала командирскую машину.

– Иди сюда, мальчик, – позвал Роналдо.

Но когда они к нему приблизились, пес попытался сбежать. Он был явно напуган. И едва ли его можно было в этом винить: в костюмах химзащиты они выглядели лишь почти – но не совсем – людьми.

Маркс вышел помочь, и им наконец удалось окружить собаку. Когда ретривер попытался проскочить Роналдо, тот прыгнул и повалил рычащего, скулящего пса на землю.

Остальные помогли ему затащить собаку в «Хамви».

– И что нам теперь с ним делать? – спросил Маркс.

– Оставим в машине, – ответил Касл. – Потом вывезем с собой.

Они заперли пса в задней части кузова и догнали колонну, которая остановилась у церкви. Судя по тому, как Роналдо запомнил карту, которую им показали на ориентировке, они добрались до самой границы мертвой зоны.

– Похоже, что-то случилось, – сказал Зубчик.

Десять морпехов ждали на лужайке перед церковью, а еще двое стояли на крыльце, около красных двустворчатых дверей. Подойдя, Роналдо увидел кое-что странное: дверные ручки были обмотаны цепью.

– Голоса слышатся изнутри? – спросил Маркс.

Роналдо остановился, чтобы прислушаться, и порыв ветра донес крики о помощи.

Они действительно шли из церкви.

– Откройте эту дверь! – приказал Касл.

Один из морпехов разрезал цепь болторезом, снял ее с ру-

чек и распахнул створки. На свет, пошатываясь, вышел мужчина и поднял руку, прикрывая глаза от солнца и ветра.

За его спиной Роналдо увидел несколько тел, лежащих на полу, и женщину, которая сидела на корточках, сжимая в руках четки.

– Какого черта они оказались запертыми? – спросил Маркс. Он стоял рядом с Роналдо и с ужасом смотрел на больных, выбирающихся из церкви.

– Медики! – крикнул Касл.

К выжившим поспешили медики ВМС, сопровождавшие колонну, и несколько морпехов. Роналдо тоже подошел помочь. Он вошел в церковь и увидел женщину, сидевшую на скамье.

– Мисс? – позвал он. – Я пришел вам помочь.

Она медленно наклонила голову, повернувшись к нему, словно не понимала, что происходит, – это был один из симптомов радиационного отравления. Но когда она увидела его форму, замешательство превратилось в страх, и женщина отпрянула, упав со скамейки.

– Все в порядке, – заверил он, протягивая ей руку. – Я здесь, чтобы помочь.

Она поползла прочь по проходу между скамьями.

– Роналдо!

Он повернулся и увидел стоящего в проходе Маркса.

– Они сказали, что их здесь заперли военные, – сказал он.

– Что?!

Роналдо повернулся к женщине – та пряталась за скамьями, шепча молитву.

Антонио занимался любовью с Лючией в темноте их дрянной квартирki в западной части Анахайма³⁴. Он любил секс с женой, но сегодня его мысли были заняты другим. Она знала его достаточно хорошо, чтобы заметить, что он был не в настроении.

— В чем дело? — спросила Лючия.

Он отстранился и вздохнул, стыдясь признать правду. Ненависть к врагам отравила его разум, и ядовитый гнев мешал ему заниматься тем, что ему всегда нравилось.

Но как бы ему ни было неловко, он всегда был откровенен с Лючией.

— Это из-за Энцо, — сказал он.

— Я думала, тебе станет лучше теперь, когда Лино с Желтохвостом уничтожили последних наших врагов в Неаполе, — сказала она. — Но, наверное, ты не избавишься от этого яда в сердце, пока Энцо тоже не будет мертв.

Его жена редко ошибалась.

Он встал с кровати и подошел к окну. Над холмистым кварталом нависало кроваво-оранжевое небо. На тротуарах не было ни души, а по дороге проехала лишь пара машин. В нескольких милях отсюда, в другой части города, солдаты

³⁴ Город в Калифорнии, расположенный в сорока пяти километрах к юго-востоку от Лос-Анджелеса.

Моретти готовились уничтожить небольшую группу «Суреньос».

Через пару часов тем, кто не уехал из Лос-Анджелеса, придется пережить еще одну ночь без электричества – из-за атаки на атомную электростанцию в Пало-Верде. И пока они будут спать, Антонио заключит крупную сделку, которая позволит его клану укрепиться и скоро, очень скоро он сможет разобраться с Энцо Сарконе.

Он повернулся к Лючии и восхитился ее обнаженным телом в тусклом свете спальни.

Боже, как она прекрасна.

Еще прекраснее, чем в тот день, когда он встретил ее двадцать лет назад, когда он был лишь молодым солдатом, который готовился к следующей войне, а она была официанткой и подавала пиво пьяницам. Но не только красота сделала ее неповторимой. Как и Антонио, она выросла в нищете, пробилась наверх и помогла ему построить семейный бизнес. Она была воительницей в душе и прекрасной матерью.

– Куда ты смотришь? – спросила она с сильным итальянским акцентом.

– На богиню.

Ее карие глаза встретились с его глазами, она улыбнулась, и на щеках появились ямочки. Она перекинула темные волосы через плечо и поманила его обратно в постель.

– Расслабься, любимый, – сказала она.

Антонио протяжно вздохнул, и они занялись любовью, за-

быв обо всем, растворившись в удовольствии. Потом они выкурили одну сигарету на двоих, и он подошел к шкафу за новым костюмом от «Армани», который он взял из партии краденого товара, прежде чем Винни продал ее.

Лючия подошла, взяла пиджак и подержала, чтобы он смог просунуть руки в рукава. Он повернулся к ней, она поправила ему воротник и поцеловала в губы. Он вскинул руку и зачесал назад волнистые каштановые волосы.

– Ты очень красивый, – сказала она.

Он ответил ей улыбкой и потянулся к шкафу, чтобы взять галстук. Он выбрал серебристый и подошел к окну, чтобы взглянуть на того, кто посигналил из машины.

Кристофер подъехал на старом мерседесе, и Рафф, выйдя из него, подошел к крыльцу. В отличие от других ребят, которые стали бы звать его, он вежливо ждал, когда Антонио его впустит.

– Я не знаю, когда сегодня вернусь, – предупредил Антонио Лючию.

– Я буду ждать. Ты же знаешь, я не могу уснуть, пока тебя нет.

Он поцеловал ее на прощание, и она пошла за ним по коридору. Антонио остановился, чтобы пожелать спокойной ночи сыну.

Марко лежал на кровати в больших красных наушниках. Музыка звучала в них так громко, что Антонио слышал ее из коридора.

– Марко, – дважды позвал он, прежде чем сын услышал его и стянул наушники, просияв идеальной белозубой улыбкой.

– Хороший костюм, раrà³⁵.

Марко говорил по-английски лучше родителей и переходил на итальянский лишь от случая к случаю. Антонио это вполне устраивало. В свои почти двенадцать мальчишка провел в Лос-Анджелесе большую часть жизни, и отец не хотел, чтобы он забывал о своих корнях.

– Спокойной ночи, Марко, – сказал он. – Веди себя хорошо, ладно?

– Едешь на работу? Можно с тобой? – Марко спустил ноги с кровати.

Антонио нравилась его целеустремленность, но Лючия, положив руку ему на плечо, напомнила об их решении: их единственный ребенок не станет преступником.

Он покачал головой, и Марко разочарованно насупил:

– Винни же едет помогать. Почему мне нельзя?

– Потому что твой двоюродный брат достаточно взрослый для этого, а ты нет, – ответила Лючия.

– Будь молодцом и слушайся маму.

– Рафф останется здесь?

– Да.

– Ладно, хорошо, – сказал Марко. – Ему нравится со мной играть.

³⁵ Папа (итал.).

Антонио задумался, не было ли это упреком за частые отлучки, но сейчас ему было некогда об этом размышлять. Он вышел из комнаты сына, а потом и из квартиры, чтобы поговорить с человеком, который отвечал за безопасность его родных.

– Рафф, – сказал он, глядя ему в глаза, – позаботишься, чтобы с ними все было хорошо, да?

– Я отдам за них жизнь, дон Антонио.

Антонио не отводил взгляда. Преданность Раффа была абсолютна и непоколебима, что и служило причиной, по которой Антонио всегда просил его оберегать две жизни, которые ценил выше своей собственной.

– Я о них позабочусь, – заверил Рафф.

Антонио похлопал его по плечу и пошел к машине. Из открытого окна мерседеса тянуло сигарным дымом. За рулем сидел его брат в серебристом костюме, который хорошо сочетался с его седеющей эспаньолкой.

– Последняя, – сказал он, указывая на сигару. – Не мог удержаться.

Антонио сел в машину и взглянул на обшарпанную многоэтажку.

Когда-нибудь у него будет особняк, и оттуда он будет править империей Моретти.

– Слышал новости? – спросил Кристофер и включил радио:

«Экстренное сообщение передается по поручению прези-

дента Соединенных Штатов Америки. Это не учения. Указом номер сто девять на всей территории Соединенных Штатов Америки вводится военное положение, действующее с восемнадцати часов по североамериканскому восточному времени двадцатого сентября две тысячи двадцатого года».

– Вот дерьмо, – проворчал Антонио.

Кристофер сменил станцию, включив местное радио.

«Государственные и городские власти согласно указу президента Соединенных Штатов Америки номер сто девять ввели на территории Лос-Анджелеса и всего штата Калифорния военное положение. Обеспечение исполнения указа возложено на Американских военных патриотов. В Лос-Анджелес направлены батальоны АВП из штатов, верных правительству, для подавления противоправных действий. Начало комендантского часа перенесено на двадцать часов. Желающим эвакуироваться из города необходимо сделать это до наступления комендантского часа. В противном случае они будут задержаны АВП».

Кристофер снова переключил радио на федеральную волну.

«Мексиканские и канадские власти сообщают о всплеске нелегальных пересечений своих границ», – сказал диктор.

Какая ирония. Антонио никогда не думал, что услышит о том, что американцы пытаются сбежать в Мексику.

– Неаполь выглядит привлекательнее с каждой минутой, – заметил Кристофер, – особенно теперь, когда Лино с Жел-

тохвостом позаботились о наших врагах. Или Рим. Я тебе говорил, что надо было туда переезжать.

Антонио втянул воздух, чтобы совладать с гневом, но было поздно. Протянув руку, он выдернул сигару изо рта брата и выбросил в окно.

– Какого черта! – воскликнул Кристофер.

– А я тебе говорю, что мы останемся в Лос-Анджелесе, и я больше не хочу ничего слышать о возвращении в Неаполь, Рим или куда угодно еще. Ясно?

Кристофер, не отводя глаз от дороги, крепче сжал руль.

– Ага, ясно.

– Думаешь, мы смогли бы привезти сюда наших людей из Италии, если бы не это дерьмо? – спросил Антонио. – Это было бы нереально, но сейчас у правительства есть заботы посерьезнее, чем следить за каждым иммигрантом.

Кристофер выехал на шоссе. Несмотря на видимое спокойствие, он явно злился.

– Мы приехали сюда, чтобы восстановиться и поднять флаг Моретти, а твое неуважение действует мне на нервы, брат.

– Прости, если воспринимаешь это как неуважение, – ответил Кристофер. – Просто я на взводе от того, что здесь творится.

– Ты не хотел довериться мне той ночью, и видишь, что получилось в результате? Мы вырубili пятерых солдат АВП, сохранили свои пятьдесят штук и добавили к нашему

арсеналу пятнадцать автоматов и двадцать тысяч патронов.

– С тех пор ситуация слегка изменилась.

Антонио не мог на это возразить, но это было неважно.

Кристофер сбросил скорость при приближении к контрольному пункту с флагом АВП с головой ворона и плакатом с надписью «Всегда на страже».

Этот девиз теперь был повсюду, равно как и подразделения АВП, пополнявшие ряды рекрутами из других родов войск, а также просто наемниками. Бойцы на КПП, вероятно, прибыли из других штатов – их перебросили сюда, когда губернатор Макги отказался реорганизовывать Национальную гвардию штата.

Хотя его брат видел в этих людях внешнюю угрозу, Антонио рассматривал военных как потенциальных клиентов и союзников.

Антонио опустил окно, солдат АВП в солнцезащитных очках наклонился, чтобы рассмотреть их с Кристофером. Второй патрульный обошел вокруг автомобиля с немецкой овчаркой – та вынюхивала взрывчатку.

Офицер поднял свои авиаторы на лоб.

– Куда направляетесь? – спросил он с бруклинским акцентом. Антонио оказался прав: они были не из Калифорнии. И могли испытывать меньше угрызений совести по поводу убийства калифорнийцев.

Расскажи он правду, его стали бы допрашивать не меньше часа, поэтому он ответил самым естественным тоном:

– Нам нужно забрать моего сына из Лонг-Бич, чтобы отвезти в Анахайм.

Солдат попросил их предъявить документы, и Антонио передал ему удостоверения личности. Патрульный мельком взглянул на фото, потом на их лица и дал знак проезжать.

– Вам стоит поторопиться, – сказал он. – Комендантский час перенесли на восемь.

– Поторопимся, – ответил Антонио. – Спасибо... сэр.

Они поехали на север, к учебной базе объединенных вооруженных сил Лос-Аламитос. И видели, как на военный аэродром базы приземлился С-130, несомненно, с очередной партией солдат АВП.

– Приехали, – сказал Кристофер, въезжая на почти пустую стоянку аэродрома.

Он припарковался, Антонио вышел из машины, подошел к кадиллаку и открыл заднюю дверь. Сержант Раш сидел между Лино и Желтохвостом.

– Все в порядке? – спросил Антонио.

– Да, все нормально, – ответил Лино. – «Хамви» готов выехать, и там внутри у нас два М4.

Кармин обернулся с переднего сиденья, морщины и шрамы на его немолодом лице были еще заметнее в свете плафона над головой.

– А ты? – спросил Антонио у сержанта АВП.

– У меня назначена встреча с командиром, – ответил Раш. – Нам нужно на базу.

– На базу? – переспросил Антонио. – Мы так не договаривались.

Раш вздохнул:

– Знаю, но вам не о чем беспокоиться. Мой командир согласовывал ту операцию, когда вам устроили засаду, но он не знает, что это были вы, мужики. Он думает...

– Нет, черт возьми! – перебил его Кристофер. – Ты нас за дураков держишь?

– Он не знает, с кем у меня был контакт, я вам уже говорил, – сказал Раш. – Он думает, что это устроили «Суреньос». Черт, да он своими глазами видел их убитого. Вы в шоколаде, честное слово.

Антонио переглянулся с Кристофером. Тот, нервно жуя зубочистку, хмыкнул и покачал головой. Антонио кивнул.

– Раш, ты едешь с нами, – сказал он.

Сержант выбрался из кадиллака и пересел на заднее сиденье мерседеса.

– Запомни, если мы сегодня не вернемся, твоей семье конец, – предупредил Антонио.

Раш сглотнул:

– Понимаю, сэр, но вы можете мне доверять.

– Посмотрим.

Они подъехали к воротам базы Лос-Аламитос, Раш показал документы, и их пропустили. Внутри кипела жизнь. Одни солдаты грузили машины, другие готовились к патрулированию.

Антонио давно не бывал на военных базах, и какая-то его часть скучала по тому, как, казалось, идеально работали здесь все шестеренки.

Хорошо смазанный механизм, как и клан Моретти.

– Там припаркуйся, – показал Раш.

Кристофер остановился перед кирпичным зданием, и Раш вышел.

– Подождите здесь, – сказал он. – Я скоро вернусь.

Кристофер посмотрел на Антонио – тот кивнул.

Сержант вошел в здание, а они остались в машине, прислушиваясь к шуму лопастей «Черного ястреба», который готовился к взлету.

– Уверен, что ему можно доверять? – спросил Кристофер.

– Я никому не доверяю, брат.

Через несколько минут Раш вернулся с высоким подтянутым мужчиной, который носил тонкие, как карандаш, седоватые усы. Они коротко о чем-то переговорили, и Раш дал Кристоферу знак переставить машину к ряду «Хамви».

– Спокойно, – сказал Антонио брату.

Они вышли и подождали, когда к ним приблизятся Раш и его командир.

– Добро пожаловать в Лос-Аламитос, – сказал высокий мужчина. – Я подполковник Мартен.

– Антонио Моретти.

– Кристофер Моретти.

– Братья? – спросил Мартен.

– Да, – ответил Антонио.

Пожав им руки, Мартен окинул братьев командирским взглядом и, усмехнувшись, заметил:

– Хватило же вам наглости приехать сюда со своей сделкой, должен признать.

Раш стоял навытяжку и не двигался.

– В общем, вопрос в следующем: почему я должен вам доверять? – спросил Мартен.

– Потому что мы знаем, где ваш украденный «Хамви», и те, кто устроил засаду и убил ваших людей, – сказал Антонио. – И потому что мы не бандиты, а профессиональная организация, которая строго следует кодексу чести.

Мартен быстрым движением провел пальцами по усам, обдумывая услышанное.

– Ладно, назовите адрес, и если окажетесь правы, возможно, дело у нас выгорит.

– Следуйте за нами, – сказал Антонио.

Он повернулся к мерседесу, но Мартен его окликнул:

– Нет, вы оба поедете со мной.

Антонио и Кристофер сели в командирский «Хамви» с Мартеном, Рашем и молодым парнем за рулем. Спустя пару минут из казармы выскочила дюжина бойцов в бронежилетах и очках ночного видения.

Половина распределилась по двум М-АТV³⁶ песочного цвета, а остальные сели в еще один бронированный «Хам-

³⁶ Американский колесный броневладелец.

ви». Колонна двинулась в Комптон – туда, где размещались главари одной из крупнейших в городе банд «Суреньос».

Пункт назначения находился всего в трех милях от склада Моретти, и это была довольно горячая точка бандитской деятельности – настолько опасная, что Антонио со своими людьми не заезжал туда уже несколько месяцев.

Уничтожение этого логова стало бы крупной победой для Моретти, но она стоила бы ему слишком дорого. Поэтому ему и нужны были бойцы АВП.

Антонио сидел за бронированными дверями с иностранными военными, которых обманул, притворившись их другом, хотя на самом деле он лишь использовал их, не более. Это была сделка. Ничего личного.

Военная техника грохотала по улицам, проносясь мимо машин, водители которых спешили убраться с улиц до наступления комендантского часа. Мартен был занят переговорами по рации и почти не обращал внимания на Антонио и Кристофера. И лишь когда они въехали в Комптон, он заговорил с ними.

– Как вы узнали, что наш «Хамви» здесь? – спросил он.

– У меня повсюду свои люди, – ответил Антонио.

Мартен обернулся, оценивающе посмотрел Антонио в глаза. Непроницаемое лицо Моретти осталось бесстрастным.

– Еще два квартала, сэр, – доложил водитель.

Мартен отвернулся и стал отдавать приказы по рации.

Они мчались мимо домиков с палисадниками, многие из которых были полуразрушены. Жители бранились вслед конвою, кто-то швырнул в одну из машин пивную банку.

– Ублюдки, – проворчал Мартен.

– Приехали, – сказал водитель.

Они остановились, и Мартен обернулся к Моретти:

– Сидите здесь.

Солдаты АВП в очках ночного видения высыпали на дорогу с оружием на изготовку и взяли дом в полукольцо.

На крыльце сидели двое мужчин. Оба потянулись к оружию, но не успели за него взяться.

Группа АВП принялась штурмовать здание. Окна осветились вспышками выстрелов, похожими на пульсирующие маячки, загрохотал ответный огонь.

Один из гангстеров разбил окно и выскочил на лужайку, но получил пулю в спину, не успев добежать до забора. Он рухнул, когда до него оставалось совсем немного.

За забором стоял некогда песочно-коричневый «Хамви», теперь перекрашенный в матово-черный цвет, который час назад припарковали здесь люди Моретти. Двое солдат Мартена обнаружили его через пару минут, зачищая участок.

Чуть дальше по улице Антонио увидел «Эскалейд», в котором сидели его люди. Машина тронулась и поехала к складу, где им вскоре предстояло встретиться.

Но сначала Антонио нужно было завершить сделку.

Мартен распорядился, и его люди оцепили периметр. Пе-

редовая группа заканчивала зачистку дома.

Солдаты на боевых башнях «Хамви» направили пулеметы на жителей, которые швыряли в них мусор, выкрикивая оскорбления. Одна из женщин бросила камень в «Хамви», где сидел Антонио.

– Сейчас начнется заваруха, – заметил Кристофер.

Мартен, очевидно, тоже это понимая, поднял два пальца. Один из его людей завел мотор «Хамви» и дал задний ход.

– Сваливаем! – крикнул подполковник.

Он открыл дверь командирской машины и запрыгнул внутрь, лукаво улыбаясь под седеющими усами.

Мартен повернулся к заднему сиденью.

– Да, – сказал он, – думаю, мы можем сотрудничать, Антонио Моретти. Надеюсь на множество сделок.

Антонио сдержанно улыбнулся. Всего за вечер он избавился от одного из главных конкурентов и заключил сделку с человеком, который поможет Моретти продать все, что за-
благорассудится.

Доминик ушел из дома на рассвете. С нападения на электростанцию в Пало-Верде в Аризоне прошла неделя. Согласно официальным сообщениям, жертвы с острым радиационным отравлением исчислялись пока десятками тысяч, но их количество продолжало расти по мере того, как ветер уносил изотопы на восток.

Он опустил козырек бейсболки с эмблемой «Доджерс»³⁷ пониже и улыбнулся, увидев, что Лось ждет его на углу. Они собирались в Департамент полиции Дауни.

– Чувак, я умираю с голоду, – сказал Лось. – Мы только что прикончили остатки запасов, и больше пайков, я думаю, не будет.

– У нас то же самое. Сегодня попытаемся получить помощь от ФЕМА.

В животе Лося заурчало так громко, что услышал Дом.

Лось погладил себя по животу:

– Ого! Боже, чего бы я сейчас только ни сделал за «Биг Мак», детка!

Местный «Макдоналдс» был закрыт, как и все заведения общепита в квартале. На этой же улице был «Треjder

³⁷ Лос-Анджелес Доджерс (англ. Los Angeles Dodgers) – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Западном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола (МЛБ).

Джос»³⁸. Его разбитые окна были заколочены так неровно, что витрина напоминала кривую улыбку со вставными зубами.

Пешеходы слонялись по тротуарам, словно зомби. Изредка проезжали машины, но с тех пор, как цены на бензин взлетели до небес – да и купить его теперь было сложно, – появилось много велосипедистов.

Люди выглядели голодными и уставшими, и им явно нужно было помыться и переодеться.

Доминик не был уверен, как должна была вести себя его семья, но знал, что ему нужно было что-то предпринять. Вступить в полицию или пойти служить в АВП. Отца не было рядом, он подвергнулся облучению, и Дом не мог просто сидеть без дела, высматривая грабителей с дробовиком в руках.

– Как у вас дела? – спросил Лось. – С отцом давно говорил?

– Мама с сестрой вроде ничего, а папу перевели из Атланты куда-то к востоку от Финикса.

– От Финикса? – Лось вытаращил глаза. – Типа в радиоактивную горячую зону?

– Он сказал, что с ним все в порядке, у него костюм химзащиты, но я все равно беспокоюсь.

– Мне жаль, чувак.

– Спасибо, но мой старик знает, что делает.

³⁸ Американская сеть супермаркетов.

– И правда знает, – согласился Лось. – Я просто не уверен насчет этих АВП. Вот почему я решил вступить в полицию, а не в новый корпус.

– Я слышал о них много всякого дерьма, но не думаю, что виноваты бывшие гвардейцы. В большинстве случаев это просто наемники и бывшие военные, уволенные из других войск. И их не проверяют тщательно.

– Они берут почти всех, у кого нет судимости, – сказал Лось. – Это еще одна причина к ним не соваться.

Мимо проехал переполненный автобус, обдав выхлопом толстовку Дома с логотипом «Сейнтс Роу» – его клуба смешанных единоборств.

– У нас может не оказаться выбора, – заметил Дом, перекивая шум двигателя.

– В смысле?

– В последний раз, когда мама общалась с папой, это было с неделю назад, он сказал, что администрация обсуждает призыв всех пригодных в возрасте от восемнадцати до тридцати пяти.

– О, черт, нет! – воскликнул Лось, качая головой.

Дальше они шли в беспокойном молчании. Это был первый раз за несколько дней, когда Дом ушел из своего квартала, но мама заверила его, что они с Моникой будут в порядке.

Угрюмый вид заколоченных магазинов и разграбленных машин, следы присутствия военных отвлекали от тревоги за мать с сестрой. Меньше чем за год их город изменился до

неузнаваемости, и не в лучшую сторону. На каждом большом перекрестке стояли солдаты в черно-зеленой форме, со скрытыми черными масками лицами, с оружием в руках.

Впереди показалась средняя школа Дауни, и Лось замер как вкопанный.

– Срань господня, – пробормотал он.

По периметру школы тянулся забор из рабицы, увенчанный колючей проволокой, а сама она стала казармой и оперативной базой АВП.

Стоянка, где когда-то парковались старшеклассники, теперь была заставлена военной техникой. Забор вокруг футбольного поля Доминик видел и раньше, но, заметив, что внутри были заперты люди, он испугался и расстроился. Людей рассадили по отдельным загонам, поили из общих лоханей и обращались с ними немногим лучше, чем с домашним скотом.

– Не думаю, что мы погоняем в футбол в ближайшее время, – сказал Лось, глядя на множество людей, запертых в импровизированной тюрьме.

Некоторым из них, без сомнения, здесь и было место, но Дом знал, что многие сидели за такие пустяковые проступки, как граффити или выброшенный в неположенном месте мусор. Видеть, как их альма-матер превратилась в военную базу с тюрьмой, было горько, зрелище не укладывалось в голове.

Офис полиции Дауни был совсем рядом, в том же кварта-

ле. Теплый ветерок трепал одежду прохожих. Люди брели, понутив головы и надеясь не привлекать к себе внимания. В этой части города было довольно спокойно, но грабежи случались сплошь и рядом, поэтому местные старались не покидать своих жилищ даже днем.

Лось повернул за угол и остановился.

– Отлично, – сказал он. – Просто, мать твою, отлично.

От брезентового навеса, установленного перед департаментом полиции, тянулась очередь почти в сотню человек, и, казалось, она совсем не двигалась. Доминик с Лосем стояли в ней почти три часа, взмокнув от пота, чтобы поговорить с двумя вербовщиками, сидевшими в тени.

Дневную тишину нарушил шум дизельных двигателей. Неподалеку остановилось несколько шестиколесных военных грузовиков с солдатами АВП. Многие выглядели ненамного старше Доминика и Лося.

Судя по их усталым лицам, они возвращались с патрулирования. Хотя один из парней был еще весьма бодр. Он встал на ноги, снял маску и крикнул:

– Долой мусоров! Вступайте в АВП! Больше платят, лучше кормят!

Лось усмехнулся:

– Вы только посмотрите на этого придурка. Прямо мальчик с постера АВП.

Один из солдат, сидевших в кузове, усадил парня на место, но дело уже было сделано. Услышав о деньгах и еде,

несколько парней вышли из очереди в полицию и отправились к школе, к призывному пункту АВП за футбольным полем на другой стороне улицы.

Лось поспешил вперед, чтобы встать на их место, но Дом не двинулся с места. Его взгляд был прикован к грузовикам-платформам, с которых на парковку спрыгивали солдаты.

– Привет, Дом, я тебя только сейчас заметила, – произнес знакомый женский голос.

Он повернулся к началу очереди и увидел свою подругу Камиллу Сантьяго. Она обрезала свои почти достававшие до пояса волосы, и теперь они даже не касались плеч.

– О, привет, Кам. – Дом улыбнулся и подошел к ней. Он совершенно не удивился, увидев Камиллу. Она всегда оказывалась в первых рядах.

– Это же знак конца времен! – воскликнул Лось. – Ты обрезала волосы!

Она приняла театральную позу и захлопала длинными ресницами.

– И как тебе?

– Отсюда неплохо смотрится, – сказал Дом.

– Еще бы чуть-чуть короче и сошла бы за парня, – сказал Лось.

Она нахмурилась и показала на парня, стоявшего рядом.

– Ты же знаешь моего брата, да? – спросила она.

Тот был на полфута выше и на несколько лет старше, но

Доминик не помнил его имени.

– Как сам, Дом? – сказал он.

– Как жизнь, Хоакин? – поздоровался Лось, спасая Доминика от неловкого момента.

– Рад тебя видеть, бро, – сказал Дом. – Так вы с Кам вступаете в полицию?

Камилла уклончиво улыбнулась и оттянула ворот пропетевшей футболки, проветривая кожу под ней.

– Вообще-то я всегда хотел стать морпехом, – сказал Хоакин. – Но теперь, когда все переходят в АВП, не думаю, что это еще реально.

– Судя по тому, куда все катится, время морпехов закончилось, – согласилась Камилла. – Похоже, Американские военные патриоты – будущее вооруженных сил Америки.

Дом нахмурился – хотя мама и просила его никогда так не делать.

– И кто это сказал? – спросил он.

Веснушчатые щеки Камиллы вспыхнули – она поняла, что затронула болезненную тему.

– В новостях... и...

– Морпехам еще далеко не конец. Отец сейчас в лагере беженцев у Пало-Верде, помогает выжившим, и по всей стране ищут террористов, которые это сделали.

– Прости, я имела в виду...

По улице снова загрохотала военная техника, и все в очереди повернули головы. На этот раз это были не грузовики,

а два танка М1 «Абрамс».

Они медленно ехали по середине улицы, стараясь не задевать машин, припаркованных вдоль обочин. Башни обоих танков были открыты. Наводчики разглядывали толпу, но дула своих М240 держали направленными вверх, подальше от гражданских.

Доминик испытал прилив гордости за то, что на танках не было черной головы ворона – эмблемы АВП. Эти танки принадлежали морской пехоте.

– Легки на помине, – сказал он. – Вот и они.

– Мило, но какого черта они делают на базе АВП? – спросила Камилла, делая шаг вперед, чтобы присмотреться.

Вслед за танками из-за угла выехала колонна «Хамви» песочного цвета – тоже морская пехота. Они остановились, и солдаты стремительно выскочили на тротуар.

Лось схватил Дома за руку и потянул назад.

– Нам лучше свалить, – сказал он. – Что-то не так.

Хоакин взглянул на Дома:

– Твой отец ничего не говорил про Лос-Анджелес?

Дом покачал головой.

Четверо морпехов подбежали к толпе. Один из них, примерно возраста Роналдо, приказал всем разойтись.

– Что происходит? – спросил Дом.

Бывалый морпех на долю секунды задержал на нем взгляд и махнул рукой:

– Иди домой, парень.

– Только когда скажете, в чем дело, – ответил Дом. – Мой отец морпех, и я хочу знать, что происходит.

Мужчина посмотрел на него:

– Тогда он велел бы тебе исполнять приказ. А сейчас убийся, пока тут все не вышло из берегов.

Полицейские снаружи ушли в свое здание, и морпехи побежали обратно к своему взводу.

У Доминика не осталось сомнений.

Близилась вторая гражданская война. Он чувствовал это так же отчетливо, как свое колотящееся сердце.

Город катился к чертям, но это не удерживало богатеньких детишек от вылазок на пляж Аламитос. Некоторые из них были богаты даже настолько, что их родители нанимали им охрану.

«Избалованные мелкие ублюдки», – подумал Винни, оглядывая пляж.

Отдыхающих было меньше обычного, учитывая субботний выходной, но все же детей собралось прилично. И несколько семей пыталось отвлечься от гнетущей реальности, тяготившей их изо дня в день.

Винни шел по тропинке, глядя на океан. Морской бриз приятно шевелил волосы. Хотелось бы ему просто наслаждаться погодой, водой и американочками.

Но сегодня он пришел сюда ради дела, которое вызывало у него противоречивые чувства.

Остановившись, он достал телефон и открыл приложение соцсети, по которой следил за Карли Сарконе. В ленте было выложено новое фото, и он присмотрелся к пляжу, пытаясь найти фон на изображении.

Пока ничего не выглядело знакомым.

Он убрал телефон и пошел дальше, к скамейке, где расположились остальные.

Желтохвост курил, пуговица на воротнике его желтой рубашки была расстегнута, и на солнце сверкала золотая цепочка поверх волосатой груди. Доберман сидел в наушниках, беззвучно подпевая.

Юный кандидат в солдаты Моретти был на пороге своего восемнадцатилетия – отметки, которую Винни прошел полгода назад. Но его лучший друг явно не вел себя как взрослый. Добермана больше интересовали гаджеты, чем разговоры окружающих.

«Про миллениалов можно забыть, – размышлял Винни. – У “поколения игрек” реальные проблемы. К тому же, если Америка не выберется из хаоса, все поколения окажутся в дерьме».

– Похоже, напряжение растет, – заметил Желтохвост, когда вдоль пляжа проехала еще одна колонна военной техники.

Доберман вынул наушники.

– В чем вообще дело?

– Не знаю, – ответил Винни, – но возможно, нам стоит вернуться на склад.

Желтохвост покачал головой:

– Заткнитесь, слабаки. Мы никуда не уйдем, пока не найдем Карли.

– Что вообще дон Антонио хочет сделать с этой девчонкой? – спросил Винни. Он подозревал, что знает ответ, но все же хотел услышать его из уст посвященного.

Желтохвост окинул его взглядом и пожал плечами:

– Какая разница? Он распоряжается – ты делаешь. Приказывает прыгнуть с моста – ты прыгаешь. Велит выпить галлон крысиного яда – ты глушишь его залпом.

– С чего бы ему приказывать мне такое? – спросил Винни.

– Он и не станет, дубина... хотя я помню, как одному парню приказали выпить крысиный яд, еще в Неаполе, после того, как один из капо застал его за трахом с его женой. – Желтохвост сделал еще затяжку. – Это было уже после того, как ему отстрелили яйца, разумеется.

– Господи, и кто это с ним сделал? – спросил Доберман.

Желтохвост посмотрел на Винни:

– Твой старик.

– А-а, точно.

Винни прищурился, но Желтохвост отвернулся, дав разговору повиснуть в воздухе.

Неужели его отец и в самом деле это сделал? Винни про-

гнал эту мысль, не желая спрашивать, потому что интуиция подсказывала ему: это правда.

И это служило хорошим напоминанием о том, что не стоит перечить посвященным. Винни был одним из самых молодых и перспективных солдат в семье и уже знал, что лучше не переходить дорогу никому из этих людей. В мире Коза ностры не было ничего страшнее предательства.

С крысами обращались как с крысами.

– Поищу еще, – сказал Винни. – Доберман, может, тоже поучаствуешь и пойдешь со мной?

Доберман встал со скамейки, потянулся, размял руки с тауировками, зевнул:

– Ладно, бро.

Желтохвост расслабился, наслаждаясь сигаретой и видом пляжа.

На горизонт накатывали грозовые тучи, но они были слишком далеко от города, и дождя ждать не стоило. Хотя небольшой отдых от палящего солнца вряд ли бы помешал.

Винни на ходу снял пропотевшую спортивную куртку.

Музыку из динамиков на пляже заглушил вой сирен, и по улице промчалась колонна патрульных машин.

– Чувак, даже в Неаполе так херово не было, – сказал Доберман.

Винни пожал плечами. Он помнил кое-что из тяжелых времен в трущобах. Видеть повсюду полицию и копов там считалось нормой. Черт, в Риме копы, солдаты и королев-

ская гвардия стояли на каждом крупном перекрестке, особенно у исторических достопримечательностей и финансовых районов.

Сейчас Америка начинала ощущать вкус новой жизни – той, от которой семья Винни в свое время бежала. Он не мог отрицать, что ситуация выходила из-под контроля.

Доberman, казалось, думал о том же.

– Я боюсь, что на Лос-Анджелес тоже нападут террористы, – признался он. – И просто не понимаю, как правительство до сих пор не знает, кто творит это дерьмо.

– Я думаю, они хорошо скрываются, – сказал Винни. – Но честно говоря, я больше беспокоюсь из-за войны, а не из-за терактов.

– Точно, чувак. Если страна расколется, миллионы людей погибнут. Может быть... – Доberman умолк.

– Что, чувак?

Доberman вытащил телефон и ухмыльнулся:

– Кажется, это наша девчонка.

Винни проследил за его взглядом – на пляжном покрывале сидела компания старшеклассников. Шесть девчонок и парень.

«Идеально», – подумал Винни.

– Идем, – сказал он. – Говорить буду я. – И с колотящимся, как тамтам, сердцем перешел велосипедную дорожку, оказавшись на песке.

Доberman сунул наушники в карман и поспешил за ним.

– А нам не надо сказать Желтохвосту? – спро- сил он.

– Не-а.

Винни хотел сделать это сам, самоутвердиться, хотя и понимал, насколько это неправильно. К тому же он не сомневался, что дядя не станет убивать девчонку. Женщины и дети были под запретом. Единственным исключением была проституция. Всякая шваль втягивалась в секс-торговлю, как только у нее заканчивалась наркота.

Он помедлил, глядя на брюнетку, смеющуюся в компании друзей. Что, если его дядя задумал продать ее? Тогда ее жизни конец. Она не будет отличаться от клиентов, которым они продавали наркотики – многие из них стали кончеными торчками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.